81
Б74

В. А. Богородицкій.

КУРСЪ
сравнительной грамматики
аріо-европейскихъ языковъ.

Тетрадь 2-ая.

Казань.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1908.

1941

ПРОВЕРЕНО
1939 г.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

481
Б-74

80

1965

91

В. А. Богородицкій.

1968

КУРСЪ
сравнительной грамматики
аріо-европейскихъ языковъ.

Инв. № 24727

Тетрадь 2-ая.

СПЕЦФОНД

ПРОВЕРЕНО
ПЕРЕУЧЕТ 1935 г.

28.6.Г.

КАЗАНЬ
Типо-литографія Императорскаго Университета
1907.

4
12

[illegible]

Напечатано по опредѣленію Историко-филологическаго Факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *А. Александровъ.*

Глава III.

Характеристика звуковыхъ системъ въ аріо-европейскихъ языкахъ.

§ 31. Первымъ вопросомъ при изученіи фонетики каждаго языка является вопросъ о звуковомъ составѣ даннаго языка или—другими словами—о звуковой его системѣ, такъ какъ природа каждаго сложнаго аггрегата, каковымъ является и языкъ, опредѣляется природою его элементовъ. Но прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію звуковыхъ системъ въ языкахъ нашего семейства, мы должны указать на одно существенное различіе въ этомъ случаѣ между языками живыми и мертвыми: въ современныхъ намъ языкахъ произношеніе можетъ быть изучаемо въ мельчайшихъ деталяхъ, даже съ помощью приборовъ, тогда какъ въ мертвыхъ языкахъ мы имѣемъ дѣло съ письменностью, т. е. съ знаками звуковъ, лишь приблизительно обозначавшими произношеніе, подобно современному письму. Для возстановленія произношенія древнихъ памятниковъ наука располагаетъ разнообразными пріемами, съ которыми мы ближе ознакомимся при обзорѣ самыхъ звуковыхъ системъ въ мертвыхъ языкахъ (такъ, напр., что буква *c* въ древне-латинскихъ сочетаніяхъ *ce, ci* произносилась какъ *k*, доказываетъ транскрипція латинскихъ словъ греками, писавшими напр. *φηκιτ*=fecit и т. п.). Необходимо еще замѣтить, что въ современныхъ сравнительно-граммати-

ческихъ изслѣдованіяхъ разнообразные алфавиты какъ мертвыхъ, такъ и живыхъ языковъ нашего семейства, за исключеніемъ греческаго, обычно передаются въ транскрипціи начертаніями господствующаго въ западной Европѣ латинскаго алфавита, съ присоединеніемъ необходимыхъ значковъ. Мы также будемъ въ общемъ слѣдовать этому обычаю при транскрипціи звуковъ. Что касается содержанія и плана настоящей главы, то мы должны указать, что не имѣемъ въ виду дать здѣсь обзоръ звуковыхъ системъ всѣхъ аріо-европейскихъ языковъ древнихъ, средневѣковыхъ и новыхъ, а только немногихъ въ качествѣ методологическаго образца; такъ, изъ древнихъ языковъ мы ограничимся санскритомъ, греческимъ, латинскимъ и старославянскимъ, какъ наиболѣе обычными представителями въ университетскомъ преподаваніи предмета, при чемъ, представляя перечни гласныхъ и согласныхъ въ этихъ языкахъ, мы будемъ пользоваться и статистическими цифрами, показывающими сравнительную частоту звуковъ въ текстахъ даннаго языка; кромѣ того, мы не будемъ ограничиваться одними замѣчаніями о произношеніи, но будемъ стараться составлять звуко-физіологическую характеристику каждаго разсматриваемаго языка по его звуковымъ элементамъ.

§ 32. *Звуковая система санскрита* (древне-индійскаго языка). Древне-индійскіе ученые были весьма тонкими изслѣдователями произношенія. Тщательность и тонкость ихъ наблюденій объясняется ихъ религіознымъ рвеніемъ сохранить древнее произношеніе Ведъ, такъ какъ повседневная рѣчь въ то время, какъ видно по другимъ памятникамъ, уже отличалась отъ священнаго языка. Поэтому въ брахманскихъ школахъ составлялись комментаріи къ священному тексту Ведъ съ обстоятельнымъ описаніемъ чертъ правильнаго произношенія, засвидѣтельствованнаго опредѣленными лицами. Нѣкоторыя наблюденія, какъ мы убѣдимся въ своемъ мѣстѣ, столь

тщательны и отличаются такими тонкостями, что могли бы доставить честь и современному лингвисту, хотя они вѣроятно восходятъ къ до-христіанскому времени. Эти фонетико-грамматическіе комментаріи называются *Prâtiçâkhya* (ср. р.), что значитъ въ переводѣ „относящееся къ тексту“ или просто— „къ тексту“. [1]) Такіе комментаріи берутъ одинъ изъ главныхъ текстовъ Ведъ и дѣлаютъ замѣчанія относительно всѣхъ его языковыхъ особенностей. Приводимые далѣе перечни гласныхъ и согласныхъ санкритскаго языка даются въ томъ научно-физіологическомъ порядкѣ, какой установленъ мѣстными индійскими грамматиками и каковой принятъ въ словаряхъ санскритскаго языка (подъ начертаніями указываемъ статистическія данныя). [2])

Гласные:

a	ā	i	ī	u	ū	r̥	r̥̄	l̥
19,78	8,19	4,85	1,19	2,61	0,73	0,74	0,01	0,01

---

[1]) Слово ç ā́ k h ā ж. значитъ «вѣтвь», а затѣмъ въ примѣненіи къ Ведамъ служитъ для обозначенія главныхъ ведійскихъ текстовъ; такимъ образомъ выраженіе p r a t i ç ā k h ā m значитъ—къ тому или другому ведійскому *тексту*, откуда уже и производное существительное p r ā t i ç ā k h y a ср. р. (въ начальномъ слогѣ этого существительнаго имѣется долгота гласнаго, какъ это бываетъ въ санскритѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ словопроизводства).

[2]) Статистическія данныя заимствуемъ изъ извѣстной книги W. D. W h i t n e y Indische Grammatik, umfassend die klassische Sprache und die älteren Dialecte. Aus dem englischen übersetzt von H. Zimmer (1879), см. § 75. Процентныя отношенія отдѣльныхъ звуковъ высчитаны для общаго числа (100) гласныхъ и согласныхъ вмѣстѣ, на основаніи 10,000 звуковъ связнаго текста. Послѣдній составился изъ десяти отрывковъ, взятыхъ изъ различныхъ литературныхъ эпохъ, по 1000 звуковъ каждый. Какъ на легкую погрѣшность нужно указать на то, что «анусвара» (носовой назвукъ) высчитывалась особо отъ гласныхъ, хотя она уже входила въ счетъ гласныхъ; однако процентъ анусвары столь малъ (0,63), что эта погрѣшность не можетъ имѣть значенія.

ē	āi	ō	āu
2,84	0,51	1,88	0,18

Согласные:

k	kh	g	gh	ṅ
1,99	0,13	0,82	0,15	0,22
c	ch	j	jh	ñ
1,26	0,17	0,94	0,01	0,35
ṭ	ṭh	ḍ	ḍh	ṇ
0,26	0,06	0,21	0,03	1,03
t	th	d	dh	n
6,65	0,58	2,85	0,83	4,81
p	ph	b	bh	m
2,46	0,03	0,46	1,27	4,34
y	r	l	v	
4,25	5,05	0,69	4,99	
ç	š	s	h	ḥ
1,57	1,45	3,56	1,07	1,31

Представивъ перечень санскритскихъ звуковъ, какъ онъ приводится на первой же страницѣ санскритскихъ грамматикъ, мы постараемся показать, какъ перечень этотъ будетъ оживленъ, если его разобрать съ точки зрѣнія физіологической. Нашъ разборъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ показать вообще тотъ путь, которому нужно слѣдовать при разсмотрѣніи звуковаго состава и каждаго другаго изучаемаго языка.

1) Процентное отношеніе гласныхъ (или ртораскрывателей) и согласныхъ (или ртосмыкателей) въ санскритскихъ текстахъ опредѣляется числами 44,15 : 55,85 (значитъ приблизительно=44 : 56); въ другихъ языкахъ, какъ увидимъ, взаимное отношеніе по частотѣ этихъ двухъ основныхъ категорій звуковъ нѣсколько отличается.

2) Въ санскритскомъ языкѣ существуетъ различіе *долготы* и *краткости* въ гласныхъ звукахъ. Это различіе—временно́е; въ отношеніи звукопроизводства оно касается степени длительности гласныхъ укладовъ, а въ огношеніи звукоощущеній — степени длительности соотвѣтствующихъ гласныхъ звуковъ. Само собою разумѣется, что это различіе по длительности въ области звукопроизводства касается всѣхъ частей говорильнаго аппарата, одновременно участвующихъ при произнесеніи отдѣльныхъ гласныхъ звуковъ; мы выразимъ это различіе на языкѣ анатомо-физіологическомъ, сказавъ, что въ санскритѣ существовало *кратковременное* и *длительное выдерживаніе гласныхъ укладовъ*. На основаніи указаннаго различія получается въ языкѣ *парность* гласныхъ звуковъ—краткихъ и соотвѣтствующихъ долгихъ; но эта парность существуетъ въ санскритѣ только въ крайнихъ гласныхъ—ă, ĭ, ŭ, гласные же *e* и *o* въ немъ только долги. Статистика показываетъ, что кратковременные гласные уклады въ санскритѣ встрѣчались въ рѣчи чаще соотвѣтствующихъ длительныхъ: болѣе чѣмъ вдвое при *a* и въ четыре или почти четыре раза—при *i* и *u*. Особенность санскрита, что въ немъ средніе гласные *e* и *o* только долги, объясняется тѣмъ, что первоначальные *ĕ и *ŏ обычно измѣнились въ *a*, какъ это видно напр. изъ соотвѣтствія: скт. *ábharata*=греч. *ἔφέρετο* (часть же *ĕ и *ŏ еще до этого измѣненія подверглась при нѣкоторыхъ условіяхъ замѣнительному удлиненію въ соотвѣтствующіе долгіе гласные).

3) Что касается *качественной* стороны гласныхъ, то отчасти уже послѣ только что сказаннаго становится понятнымъ, почему въ санскритѣ изъ всѣхъ гласныхъ *наиболѣе частымъ* является *a* (гласный со стороны работы ртовыхъ органовъ, т. е. языка и губъ, почти индифферентный); замѣтимъ, что и первоначальные *ē и *ō въ санскритѣ дали ā, какъ это показываетъ сравненіе съ древне-греческимъ: dádhāmi=*τίθημι*,

dádāmi=δίδωμι (въ приведенныхъ примѣрахъ скт. ā соотвѣтствуетъ греч. η и ω). Гласные ă въ санскритѣ встрѣчаются почти вдвое чаще сравнительно съ прочими взятыми вмѣстѣ гласными: ă=27,97%, тогда какъ всѣ прочіе гласные—15, 55%.

4) Въ санскритѣ существуютъ дифтонги только съ первымъ долгимъ компонентомъ—āi и āu (дифтонги же съ первымъ краткимъ компонентомъ, *ai* и *au*, какъ показываетъ сравнительная фонетика, измѣнились въ санскритѣ въ ē и ō [1]); однако жъ, быть можетъ, правильнѣе считать *a* въ санскритскихъ дифтонгахъ не столь долгимъ, какъ самостоятельное ā, т. е. что дифтонги съ первымъ долгимъ компонентомъ уже начали сокращаться въ языкѣ. Примѣры дифтонговъ: скт. vṛ́kāis=греч. λύκοις; скт. gāus=греч. βοῦς.

5) Далѣе отмѣтимъ въ санскритѣ существованіе *носовыхъ гласныхъ* или—другими словами—существованіе носоваго назвука (такъ называемой „анусвары", anusvāra). Носовое произношеніе, съ точки зрѣнія анатомо-физіологической, зависитъ отъ опущеннаго положенія *мягкаго неба*. Такое положеніе послѣдняго встрѣчается въ санскритѣ въ обѣихъ основныхъ категоріяхъ звуковъ—въ согласныхъ и гласныхъ, т. е. какъ при смыканіи, такъ и при раскрытіи рта, при чемъ раскрытіе рта можетъ быть широкимъ и узкимъ, кратковременнымъ и длительнымъ. Однако частота носовыхъ гласныхъ въ санскритѣ=0,63%, тогда какъ носовыхъ согласныхъ=10,75%. Такъ какъ анусвара произошла изъ носовыхъ согласныхъ въ извѣстныхъ условіяхъ, то значитъ—сравнительно лишь небольшой процентъ согласнаго произношенія перешелъ

---

[1]) Въ виду такого происхожденія гласные ē и ō въ санскритскихъ грамматикахъ нерѣдко называются дифтонгами, но это названіе неправильно, потому что эти звуки по своей природѣ простые, что же касается происхожденія, то оно—какъ мы видѣли выше—не всегда дифтонгическое.

въ анусвару. Въ старо-славянскомъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, значительно большій процентъ носовыхъ гласныхъ, такъ какъ условія ихъ возникновенія болѣе общи.

6) Въ санскритской звуковой системѣ имѣются *плавные слогообразующіе* согласные: $\underset{\circ}{r}$, $\underset{\circ}{\bar{r}}$, $\underset{\circ}{l}$ (срв. $v\acute{\underset{\circ}{r}}kas$=клякъ и т. п.). Изъ нихъ только $\underset{\circ}{r}$ имѣетъ относительную частоту=0,74%, тогда какъ два другіе звука встрѣчаются рѣдко, при чемъ частота каждаго изъ нихъ=0,01%; $\underset{\circ}{\bar{r}}$ встрѣчается лишь въ извѣстныхъ падежахъ множ. числа именныхъ основъ на *r*, а $\underset{\circ}{l}$—въ нѣкоторыхъ формахъ и производныхъ словахъ отъ единственнаго не совсѣмъ обычнаго глагольнаго корня (k$\underset{\circ}{l}$p). Такъ какъ санскритскому *r* соотвѣтствуетъ въ европейскихъ языкахъ частію *r*, а частію *l*, то можно допустить распространеніе въ санскритѣ фонемы $\underset{\circ}{r}$ на счетъ $\underset{\circ}{l}$. Замѣтимъ еще, что плавные слогообразующіе санскрита не первичные звуки: они получились изъ VL или LV какъ одинъ изъ результатовъ того ослабленія неударяемаго вокализма, которое началось еще въ аріо-европейскомъ праязыкѣ. Звукъ $\underset{\circ}{r}$ въ санскритѣ, хотя и возникшій при условіи неударенности, проявляетъ въ существительныхъ нерѣдко расположеніе къ притяженію на себя ударенія (срв. выше $v\acute{\underset{\circ}{r}}kas$), вѣроятно—по аналогіи къ Зват. падежу.

7) Обращаясь къ собственно согласнымъ звукамъ санскрита, укажемъ прежде всего на существованіе въ немъ звонкихъ и глухихъ взрывныхъ придыхательныхъ—*bh*, *ph*, *dh* и пр., напр. *bh*árāmi=*φέρω*, vé*t-tha*=*οἶσ-θα* и т. п. Въ связи съ присутствіемъ въ звуковой системѣ данной категоріи согласныхъ санскритская фонетика представляетъ особый типъ диссимиляціи, напр. *dádh*āmi (=*τίθημι*), гдѣ при первомъ *d* исчезъ придыхательный элементъ подъ вліяніемъ того, что таковой уже содержался въ согласномъ слѣдующаго слога. [1])

[1]) Звонкіе придыхательные въ санскритѣ болѣе чѣмъ въ два раза чаще по сравненію съ глухими придыхательными; взрывные же неприды-

8) Среди согласныхъ санскрита встрѣчаемъ категорію согласныхъ съ дальне-альвеолярнымъ произношеніемъ: *r*; *š*; *ḍ*, *ḍh*, *ṭ*, *ṭh*, *ṇ*. Эти согласные обычно называются церебральными (cerebrales=соб. „мозговые“). Этотъ странный терминъ получилъ свое начало путемъ неправильнаго перевода санскритскаго термина mūrdhanyà, означающаго собственно „головной“ и указывающаго на своеобразный тембръ этихъ согласныхъ, для произведенія которыхъ—по опредѣленію туземныхъ грамматиковъ—конецъ языка загибается вверхъ и назадъ и такимъ образомъ артикулируетъ относительно твердаго неба. Изъ всѣхъ приведенныхъ согласныхъ дальне-альвеолярныхъ только *r* первиченъ, всѣ же прочіе вторичны. Эти вторичнаго происхожденія церебральные согласные развились въ языкѣ въ нѣкоторой постепенности: раньше другихъ развился *š* изъ *s* въ положеніи послѣ узкихъ гласныхъ *i* и *u*, а также послѣ согласныхъ *r* и *k*, подобно тому какъ въ славянской языковой области при тѣхъ же условіяхъ возникало х, срв. Locat. plur. скт. vṛ́kēšu=вльцѣхъ. Затѣмъ согласные *r* и *š* оказываютъ ассимилирующее вліяніе при извѣстныхъ условіяхъ на слѣдующее *n* и такимъ образомъ въ языкѣ возникаетъ *ṇ* (церебральное *n*), а *š* кромѣ того оказываетъ такое же вліяніе и на другіе передне-язычные согласные, переводя ихъ въ церебральные и чрезъ это появляются въ языкѣ согласные *ṭ*, *ṭh*, *ḍ*, *ḍh*. Въ процессѣ постепенной выработки церебральныхъ согласныхъ санскрита можно такимъ образомъ допустить четыре стадіи: 1) только *r*, 2) *r* и *š*, 3) *r*, *š* и *ṇ*, 4) *r*, *š*, *ṇ*, *ṭ* и пр. Интересно отмѣтить, что пракритъ представляетъ уже бо́льшую частоту въ употребленіи этихъ согласныхъ, а въ современномъ гиндустанскомъ область церебральнаго произношенія на столько расширена, что въ немъ

хательные въ общемъ въ 5 разъ чаще придыхательныхъ (только согласный *b* очень рѣдокъ; носовые (главнымъ образомъ *n* и *m*) приблизительно встрѣчаются одинаково часто съ непридыхательными Tenues (Whitney, ук. соч., §38).

имѣются такія слова какъ arṇâ „свой собственный“, гдѣ ṇ стоитъ послѣ губнаго согласнаго. Здѣсь намъ представляется весьма поучительный феноменъ въ жизни языка, а именно— одна и та же звуковая тенденція выдерживается и расширяется въ употребленіи въ теченіи многихъ столѣтій, подобно тому — позволимъ себѣ воспользоваться сравненіемъ — какъ комъ снѣга, катясь, по мѣрѣ движенія забираетъ все бо́льшія количества снѣга.

9) Категорію мягкихъ согласныхъ въ санскритѣ составляютъ звуки *c*, *ch*, *j*, *jh*; *ç*; *y*. [1]) Первые четыре согласные представляютъ собою результатъ переходнаго смягченія заднеязычныхъ согласныхъ (аналогичнаго славянскому измѣненію), какъ въ этомъ убѣждаютъ такія соотвѣтствія, какъ скт. pácati =печетъ, icchâti=ищетъ, jívati=живетъ и др.; впрочемъ согласный *j* можетъ быть и другаго происхожденія, что же касается согласнаго *jh*, то это необыкновенно рѣдкій звукъ. Въ отличіе отъ этихъ согласныхъ, являющихся продуктомъ комбинаціоннаго измѣненія, согласный *ç* представляетъ собою продуктъ спонтаненческаго перерожденія первоначальнаго т. н. „передняго“ *k*, подобно звуку *j*, когда таковой происходитъ изъ первоначальнаго „передняго“ *g*. Наконецъ, согласный *y* имѣетъ самостоятельную мягкость, составляющую сущность его природы. Мы видимъ, что всѣ согласные разсматриваемой категоріи, за исключеніемъ послѣдняго (*y*), сравнительно позднѣйшаго или вторичнаго происхожденія.

10) Наконецъ, нужно указать на существованіе въ санскритѣ особаго звука *густаго придыханія*, который въ латинской транскрипціи передается начертаніемъ ḥ и у мѣстныхъ грамматиковъ получилъ наименованіе „visargá“ (м.), обозначающее прекращеніе или окончаніе слова посредствомъ вы-

---

[1]) скт. *c* произносится какъ рус. *ч*; *j*=*д'ж* или итал *g* передъ *e* или *i*; *ç*=*ш'* или польск. *ś*; *y*=*i̯* (j)

пускаемаго дыханія; аналогичный звукъ представляетъ древнегреческій языкъ въ своемъ густомъ придыханіи, а также современный нѣмецкій (срв. напр. произношеніе *h* въ словѣ *h*aben). Висарга въ санскритѣ представляетъ собою звукъ не первоначальный, но вторичный, развившійся при нѣкоторыхъ фонетическихъ условіяхъ изъ оканчивавшихъ слово *-s* и *-r* (при другихъ фонетическихъ условіяхъ въ санскритѣ получились другіе замѣстители конечныхъ *-s* и *-r*, напр., -ç, -š), напр. áçvas „конь“ въ концѣ фразы является въ видѣ áçvaḥ.

Представивъ характеристику звуковой системы санскрита, мы приведемъ теперь нѣкоторые болѣе интересные изъ тонкихъ наблюденій надъ произношеніемъ этого языка, сдѣланныхъ древне-индійскими учеными.

а) Прежде всего остановимся на ученіи Prātiçākhya о томъ, что между *r* и слѣдующимъ согласнымъ вставляется т. наз. *svarabhakti*, т. е. дробный или частичный (минимальный) гласный. При этомъ нѣкоторые изъ древне-индійскихъ авторитетовъ принимаютъ такую вставку *только передъ спирантами*, между тѣмъ какъ другіе считаютъ такой вторичный звукъ передъ спирантами лишь вдвое дольше, чѣмъ передъ остальными согласными, а именно — въ первомъ случаѣ равнымъ половинѣ или четверти моры, въ послѣднемъ же четверти или восьмой (нѣкоторые принимаютъ такую вставку не только послѣ *r*, но также и послѣ *l*). Что касается качества такого дробнаго или—какъ нерѣдко онъ называется у современныхъ лингвистовъ—„ирраціональнаго“ гласнаго, то онъ описывается какъ часть гласнаго *a* или же $\underset{\circ}{\text{r}}$ (или $\underset{\circ}{\text{l}}$). Прибавимъ еще, что Prātiçākhya къ Ригведѣ находила *r* въ серединѣ $\underset{\circ}{\text{r}}$, а комментаторъ въ другой Prātiçākhya описываетъ $\underset{\circ}{\text{r}}$ какъ $\frac{\text{a}}{4}+\frac{\text{r}}{2}+\frac{\text{a}}{4}$; эти свидѣтельства могутъ указывать на то, что древне-индійское $\underset{\circ}{\text{r}}$ въ ту эпоху могло заключать въ себѣ даже два ирраціональныхъ гласныхъ, т. е. пе-

редъ плавнымъ и послѣ плавнаго. [1]) Мнѣ представляется однако одинъ недочетъ въ описаніяхъ svarabhakti, а именно то, что въ нихъ совершенно оставленъ безъ вниманія вопросъ о томъ, не получались ли нѣкоторыя варіаціи при произношеніи $\underset{\circ}{r}$ въ зависимости отъ разнаго положенія этого звука относительно ударенія. Терминъ и понятіе svarabhakti были позаимствованы европейскими учеными для обозначенія другихъ аналогичныхъ явленій, напр. при объясненіи русскаго полногласія (*borda→*bor°da*→борода; *verteno-→**ver°teno*-→веретено), или при истолкованіи природы праязыковаго аріоевропейскаго *$\underset{\circ}{r}$.

б) Между мгновеннымъ согласнымъ (Muta) и носовымъ, по ученію Prātiçākhya, возникаютъ такъ называемые согласные-*yata* или „близнецы“. т. е. при переходѣ отъ мгновеннаго согласнаго къ слѣдующему носовому происходитъ при опущеніи мягкаго неба родъ эксплозіи въ носовую полость; этотъ своеобразный взрывной элементъ и есть т. наз. „yama“ или близнецъ мгновеннаго передъ носовымъ. Наблюденія древне-индійскихъ ученыхъ надъ согласными-„yama“ натолкнули французскаго ученаго д-ра Rosapelly изслѣдовать произношеніе сочетаній типа *a r t a* экспериментально-фонетическимъ путемъ и привели его къ интереснымъ выводамъ. [2])

в) Остановимся теперь на разъясненіяхъ древне-индійскими учеными произношенія *придыхательныхъ* согласныхъ и на кажущихся противорѣчіяхъ при этомъ. Въ Prātiçākhya Ригведы говорится, что согласно нѣкоторымъ авторитетамъ

---

[1]) См. Whitney Indische Grammatik § 230 c; Schmidt J. Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus, 2-te Abteilung (1875) стр. 2; Фортунатовъ Ф. Ѳ. Индоевропейскія плавныя согласныя въ древне-индійскомъ языкѣ (въ Сборникѣ статей въ честь О. Е. Корша. Москва 1896) стр. 477.

[2]) См. Ершовъ С. И. Экспериментальная фонетика. Казань (1903) стр. 11—24.

аспирированіе глухихъ придыхательныхъ происходитъ посредствомъ гоморганнаго спиранта, а при звонкихъ посредствомъ звонкаго, т. е. *h*. Это свидѣтельство, мнѣ кажется, не должно понимать такъ, что въ произношеніе глухихъ придыхательныхъ за глухимъ взрывнымъ слѣдовалъ спирантъ (т. е. что за *k* слѣдовалъ родъ висарги, что ṭh=ṭ+š, th=t+s и т. д.), но только въ томъ смыслѣ, что придыханіе *h* необходимо получало особую окраску послѣ глухихъ взрывныхъ разнаго мѣста артикуляціи въ силу различія ихъ резонансовой полости; что же касается звонкихъ придыхательныхъ, то при выговариваніи ихъ ухо переносило качество звонкости съ перваго компонента и на второй; такого рода вліянія слуховыхъ воспріятіяхъ качества перваго или взрывнаго компонента на нюансъ втораго компонента или звука придыханія легко могли имѣть мѣсто, благодаря относительной слабости втораго компонента. [1])

§ 32. Характеризуя звуковую систему языка, нельзя ограничиваться разсмотрѣніемъ звуковъ въ отдѣльности, но необходимо еще стараться по возможности изучать ихъ особенности въ ихъ естественныхъ условіяхъ, т. е. въ словахъ. Въ этомъ отношеніи весьма важно обратить вниманіе на видоизмѣненіе звуковъ, въ особенности гласныхъ, въ зависимости отъ ударенія. [2]) Вотъ почему нашъ очеркъ былъ бы не полонъ, если бы мы оставили въ сторонѣ вопросъ объ

---

[1]) Срв. Ascoli G. Vorlesungen über die vergl. Lautlehre и пр. (1872) обширную сноску на стр. 122—124; Whitney Indische Grammatik (1879) § 37.

[2]) На сколько могутъ быть значительны варіаціи гласныхъ звуковъ въ зависимости отъ ударенія, можно видѣть напр. изъ современнаго литературнаго русскаго языка: въ его письменности неударяемые гласные обозначаются сходно съ соотвѣтствующими ударенными, но въ живомъ языкѣ они нерѣдко сильно различаются между собою и съ ударяемымъ, срв. напр. годовой=гъдо̀вбj.

удареніи и его характерѣ въ древне-индійскомъ языкѣ, если бы мы не разсмотрѣли антропофоническаго строенія древне-индійскихъ словъ по отношенію къ ударенію.

Для сужденія по поставленному вопросу могутъ служить тексты Ригведы и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ, древнія грамматическія свидѣтельства и комментаріи въ Prātiçākhya'хъ. Природа санскритскаго ударенія описывается древне-индійскими учеными разныхъ эпохъ сходнымъ образомъ: на сколько можно заключать изъ ихъ описаній, древне-индійское удареніе основывалось на измѣненіи высоты тона; что же касается различія по силѣ и длительности между слогами слова въ разныхъ положеніяхъ относительно ударенія, то этой стороны они не касаются вовсе. Вѣроятно, это произошло отъ того, что они имѣли въ виду *рецитацію* священныхъ текстовъ, а не разговорную рѣчь.

Обозначеніе ударенія, встрѣчающееся въ рукописяхъ только древнѣйшей литературы, оказывается въ нихъ неодинаковымъ по способу передачи. Мы ограничимся разсмотрѣніемъ принциповъ акцентуаціи обычной для Ригведы, при чемъ разъясняемъ ихъ въ отношеніи не только отдѣльныхъ словъ, но также и сочетанія словъ, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ являются нѣкоторыя важныя особенности. [1])

Ударяемый слогъ въ словахъ непосредственнаго обозначенія не имѣетъ, обнаруживается же онъ тѣмъ, что особое обозначеніе получаютъ слогъ ему предшествующій и также слѣдующій за нимъ: слогъ предшествующій ударенію обозна-

---

[1]) *Къ литературѣ вопроса:* Masing L. Die Hauptformen des Serbisch-Chorwatischen Accents, nebst einleitenden Bemerkungen zur Accentlehre insbesondere des Griechischen und des Sanskrit (Mém. de l'Acad. des sciences de St-Pétersb., 1896 г.), §§ 72 сл.; Whitney Indische Grammatik, §§ 80—97; Brugmann K. Grundriss der vergl. Grammatik. 1² (1897) § 1047.

чается горизонтальною черточкою подъ буквою, а слогъ слѣдующій за удареніемъ—вертикальною черточкой надъ буквою, напр.

juhṓti=ju̱hoti
agním=agnim
índraḥ=indráḥ

Ударяемый слогъ называется udatta т. е. „возвышенный, высокій“; слогъ ему предшествующій носитъ названіе anudātta т. е. „невысокій, не-udātta“, а слогъ слѣдующій за удареніемъ—svarita т. е. „снабженный тономъ“. Уже изъ этихъ наименованій можно заключить, что въ словахъ древнеиндійскаго языка неударяемый слогъ, непосредственно слѣдовавшій за удареніемъ, считался довольно высокимъ, тогда какъ слогъ, предшествовавшій ударенію,—невысокимъ или низкимъ. Это тоническое строеніе слова можетъ напомнить характеръ строенія подобныхъ словъ въ малорусскомъ или же словинскомъ языкѣ. То, что слогъ въ словѣ, непосредственно слѣдующій за удареніемъ и называвшійся svarita, дѣйствительно изъ неударяемыхъ слоговъ былъ наиболѣе близкимъ по высотѣ къ ударенному, подтверждается еще слѣдующимъ обстоятельствомъ: если въ словѣ ударяемые гласные í или ú стояли передъ другимъ гласнымъ, имѣвшимъ слѣдовательно за себѣ svarita, то, съ измѣненіемъ этихъ гласныхъ (т. е. í→y, ú→v), слѣдующій гласный получалъ такъ называемую „самостоятельную“ svarita, благодаря которой предшествующій слогъ сохранялъ внизу горизонтальную черточку, т. е. какъ бы передъ удареніемъ, напр.

tanvā̀=tanvā̍,

а это легче всего понять при сдѣланномъ предположеніи объ особенной близости svarita по высотѣ къ своему предъидущему слогу съ удареніемъ.

До сихъ поръ мы разсматривали слова простѣйшаго антропофоническаго строенія, именно такія, въ которыхъ имѣется одинъ предъударенный слогъ и одинъ послѣударенный. Теперь перейдемъ къ словамъ многосложнымъ, имѣющимъ по нѣскольку слоговъ передъ удареніемъ, или же послѣ ударенія. Оказывается, что въ многосложномъ словѣ всѣ слоги, предшествующіе ударенному, получаютъ по черточкѣ внизу, т. е. всѣ они становятся anudātta, въ томъ случаѣ, если такое слово стоитъ въ началѣ стиха; съ другой стороны, въ многосложномъ словѣ изъ нѣсколькихъ послѣударенныхъ слоговъ только непосредственно слѣдующій за удареніемъ обозначается вертикальной черточкою сверху, всѣ же прочіе не имѣютъ никакого обозначенія (особенность оказывается, какъ увидимъ ниже, лишь въ томъ случаѣ, когда непосредственно слѣдующее слово въ томъ же стихѣ начинается ударяемымъ слогомъ) и называются pracaya или pracita т. е. „собранные, накопленные“, такъ какъ могутъ встрѣчаться въ неопредѣленномъ количествѣ. Теперь возникаетъ вопросъ объ отношеніи по высотѣ слоговъ-pracaya къ другимъ неударяемымъ. Само названіе „pracaya“ не даетъ никакихъ указаній по этому вопросу, такъ какъ характеризуетъ не высоту, а лишь способность этихъ послѣударенныхъ слоговъ накопляться въ неограниченномъ количествѣ. Уяснить вопросъ намъ помогутъ свидѣтельства древне-индійскихъ грамматиковъ. Въ Prātiçākhya'хъ встрѣчаемъ указаніе что pracaya или pracita имѣютъ будто бы ту же высоту, какъ и ударенный слогъ (подобно имъ не обозначаемый никакимъ знакомъ). [1]) Признавая въ этомъ замѣчаніи явное преувеличеніе, мы все-таки можемъ заключить, что pracaya приближались по высотѣ къ сваритѣ и были выше по сравненію со слогами anudātta.

---

[1]) См. Whitney ук. соч. § 90 a.

Намъ осталось теперь разсмотрѣть тѣ модификаціи, которыя испытываетъ многосложное слово въ зависимости отъ ударенія предшествующаго и слѣдующаго за нимъ слова. Пусть имѣемъ многосложное санскритское слово, съ удареніемъ по срединѣ, въ предложеніи между двумя словами, изъ которыхъ предшествующее кончается ударенным слогомъ, а послѣдующее начинается слогомъ съ удареніемъ, и посмотримъ, какія измѣненія испытываютъ неударяемые слоги даннаго многосложнаго слова подъ вліяніемъ ударенія сосѣднихъ словъ. Какъ увидимъ, вліяніе ударенія предшествующаго слова оказывается болѣе обширнымъ по сравненію съ вліяніемъ ударенія послѣдующаго слова. Въ самомъ дѣлѣ, предшествующее удареніе оказываетъ свое видоизмѣняющее дѣйствіе на весь рядъ анудаттъ даннаго слова за исключеніемъ непосредственно предшествующей ударенію, состоящее въ томъ, что эта часть анудаттъ въ слоговомъ и тоническомъ отношеніи примыкаетъ къ непосредственно предшествующему ударенію предыдущаго слова и измѣняется такъ, какъ если бы она была концомъ этого предыдущаго слова, т. е. повышается, а именно: начальная anudātta, какъ ближайшая къ предшествующему ударенію, становится svarita, а послѣдующія (кромѣ послѣдней) превращаются въ pracaya и только послѣдняя изъ анудаттъ избѣгаетъ этого вліянія, сохраняя низкій тонъ и оставаясь неразрывнымъ спутникомъ своего ударенаго слога. Между тѣмъ вліяніе начальнаго удареннаго слога послѣдующаго слова на послѣударенную часть предшествующаго слова ограничивается только послѣднею изъ его pracaya, которая въ качествѣ анудатты и отходитъ къ слѣдующему слову; если же данное слово содержитъ только единственный послѣударенный слогъ (т. е. свариту), то и онъ подчиняется тому же закону, т. е. понижается въ анудатту и становится въ слоговомъ отношеніи какъ бы принадлежащимъ къ слѣдующему слову.

Изъ сказаннаго мы видимъ, что въ многосложномъ словѣ съ удареніемъ по срединѣ гарантированы отъ вліянія непосредственно предшествующаго и непосредственно слѣдующаго ударенаго слога смежныхъ словъ слѣдующія части даннаго слова: послѣдній слогъ предъударенной части (послѣдняя изъ анудаттъ) и всѣ слоги послѣударенной части кромѣ послѣдняго (т. е. сварита и всѣ pragasya кромѣ послѣдней). Стало быть, вліяніе оказываемое удареніемъ предшествующаго слова является болѣе обширнымъ по сравненію съ вліяніемъ ударенія послѣдующаго слова; бо̀льшая степень вліянія ударенія предшествующаго слова обнаруживается съ особенною ясностью въ томъ, что предшествующее слово можетъ оказывать свое вліяніе и тогда, когда имѣетъ удареніе не на концѣ: особенность въ этомъ случаѣ будетъ та, что и первая анудатта даннаго многосложнаго слова превратится въ pragasya (а не въ svarita), равно какъ и слѣдующія за исключеніемъ послѣдней анудатты. Послѣдняя анудатта служитъ какъ бы для подготовки къ высокому тону ударяемаго слога, для котораго она нужна въ качествѣ опорнаго пункта; для этой цѣли достаточно именно одного слога,—вотъ почему изъ послѣударенныхъ слоговъ (pragasya) отдѣляется въ качествѣ анудатты къ ударенному началу слѣдующаго слова только одинъ слогъ. Что такая перемѣна слога изъ pragasya въ анудатту состоитъ въ пониженіи тона, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что древне-индійскій грамматикъ Pāṇini такой слогъ считаетъ за anudāttatara, т. е. еще болѣе пониженнымъ по сравненію съ безударностію. [1])

---

[1]) См. Whitney ук. соч. § 90 c.

Сказанное нами о вліяніи на многосложное слово ударенія сосѣднихъ словъ можно иллюстрировать графически слѣдующимъ образомъ:

Въ этомъ графическомъ представленіи пунктирныя горизонтальныя черточки показываютъ тѣ перемѣны, которыя испытываютъ соотвѣтствующіе неударенные слоги даннаго слова; вертикальныя волнистыя линіи отграничиваютъ часть слова не подверженную перемѣнамъ отъ слоговъ, которые подчиняются ударенію предшествующаго и слѣдующаго слова, при чемъ стрѣлки указываютъ направленіе, въ которомъ происходитъ отхожденіе этихъ слоговъ.

Мнѣ осталось еще указать, что съ переходомъ къ ново-индійскимъ парѣчіямъ тоническій характеръ древняго ударенія уступаетъ мѣсто экспираторному, какъ это наблюдается и въ другихъ вѣтвяхъ аріо-европейскаго семейства языковъ. Только при такомъ взглядѣ намъ станутъ понятными тѣ сильныя сокращенія словъ, которыя видимъ въ ново-гиндустанскомъ языкѣ по сравненію съ древне-индійскимъ, напр. āg =скт. agníš (огонь) и т. п.

§ 34. *Звуковая система древне-греческаго языка.* Произношеніе древне-греческаго языка было неодинаковымъ въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ этого языка и въ разныя эпохи. Діалектическое разнообразіе древне-греческаго языка при сравнительной незначительности общей территоріи находитъ объясненіе въ гористой природѣ страны, которую горы дѣлили на рядъ природныхъ отдѣльныхъ областей. Если мы остановимся на произношеніи *аттическаго* діалекта, то увидимъ, что произношеніе испытало здѣсь рядъ измѣненій на протяженіи даже двухъ-трехъ столѣтій, какъ напр. V—III в. до Р. Хр. Въ виду этого мы возьмемъ при характеристикѣ звуковой системы аттическаго діалекта опредѣленную эпоху— начало IV в. до Р. Хр., т. е. когда была только что произведена здѣсь въ греческомъ письмѣ оффиціальная реформа, послѣ чего это реформированное письмо распространяется и въ другихъ греческихъ областяхъ (греческая орѳографія нашихъ изданій отражаетъ собою именно это новое письмо). Вслѣдствіе такого униформированія графики ученые лингвисты даже при изложеніи фонетики древне-греческаго языка обычно пользуются орѳографическими начертаніями, а не фонетическимъ письмомъ. Мы также начнемъ свой обзоръ звуковой системы а т т и ч е с к а г о діалекта перечнемъ примѣнявшихся при письмѣ начертаній съ присоединеніемъ статистическихъ данныхъ: [1])

Г л а с н ы е:

α	*ε*	*η*	*ο*	*ω*	*ι*	*υ*
17	19	13	13	6	7	6

ει	*ου*	*αι*	*οι*	*αυ*	*ευ*
4	5	6	2	1	1

[1]) Статистическія цифры мы заимствуемъ изъ статей Фёрстемана *E. Forstemann* Numerische lautverhältnisse im Griechischen, Lateinischen und Deutschen, въ Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung etc. I (1852) стр. 163—170, Numerischen lautbeziehungen des griech., latein. und deutschen zum

Согласные:

π	β	φ	μ				
9	1	2	4				
τ	δ	ϑ	ν	σ	ζ	λ	ϱ
13	4	3	18	21	1	6	7
$\varkappa$	γ	χ					
6	1	1					
ψ	ξ						
	1						

Сдѣлаемъ теперь тѣ выводы, къ которымъ приводятъ цифровыя соотношенія звуковъ древне-греческаго языка.

1) Процентное соотношеніе гласныхъ (ртораскрывателей) и согласныхъ (ртосмыкателей) выражается числами: первыхъ — 46% и вторыхъ — 54%. По сравненію съ санскритомъ процентъ согласныхъ нѣсколько меньше, что станетъ для насъ понятнымъ, если обратимъ вниманіе на исчезновеніе въ греческомъ съ конца словъ взрывныхъ согласныхъ, срв. скт. ábharat = ἔφερε, скт tat (гдѣ конечное *t* произошло изъ *d*) =

---

sanskrit, тамъ же II (1853) стр. 35—41. Однако способъ высчитыванія частоты или процента звуковъ у Фёрстемана существенно расходится со способомъ Уитнея: въ отличіе отъ послѣдняго, Фёрстеманъ опредѣляетъ процентъ отдѣльныхъ звуковъ не отношенію не къ общему числу звуковъ, но отдѣльно у гласныхъ и согласныхъ, т. е. процентъ каждаго гласнаго расчитанъ на 100 гласныхъ (а не всѣхъ вообще звуковъ), подобно тому какъ процентъ каждаго согласнаго вычисленъ на 100 согласныхъ. Однако это не составляетъ препятствія для перехода отъ одного способа къ другому благодаря тому, что Фёрстеманъ вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и процентное соотношеніе гласныхъ и согласныхъ (первыхъ въ греч. языкѣ 46%, а вторыхъ 54%); переводъ цифровыхъ данныхъ одного способа на другой дѣлается путемъ пропорціи. Напр. для *a* у Фёрстемана указана цифра 17, какъ процентъ на 100 гласныхъ; чтобы узнать, какой это будетъ процентъ на 100 всѣхъ вообще звуковъ, мы, принявъ въ соображеніе, что гласные составляютъ въ этомъ общемъ числѣ звуковъ 46%, рѣшаемъ слѣдующую пропорцію:

$$17 : 100 = x : 46$$
$$x = \frac{17 \times 46}{100} = 7{,}82.$$

τό, а кромѣ того въ греческомъ въ отличіи отъ санскрита произошло исчезновеніе придувныхъ *v*, *s* и *j* въ положеніи между гласными, срв. скт. *çrávas*=*κλέος*, скт. *jánasas*=*γένεος*. Слѣдовательно, согласные въ санскритѣ обнаруживаютъ бо́льшую устойчивость по сравненію съ греческимъ. Соотвѣтственно уменьшенію процента согласныхъ, процентъ гласныхъ въ греческомъ больши́й по сравненію съ санскритомъ (въ послѣднемъ, какъ мы видѣли, взаимное отношеніе гласныхъ и согласныхъ приблизительно=44 : 56).

2) Переходя къ гласнымъ, прежде всего укажемъ, что греческій языкъ разсматриваемой эпохи различалъ *краткіе* и *долгіе* уклады гласныхъ. Относительно сравнительной частоты тѣхъ и другихъ вышеприведенныя числовыя данныя позволяютъ высказаться лишь по отношенію къ среднимъ по открытости гласнымъ: ĕ=19%, ē=17% (*η*, т. е. открытое e, = 13% и *ει* или закрытое ē = 4%), ŏ=13%, ō=11% (*ω* или открытое ō = 6%, *ου* или закрытое ō = 5%). Такимъ образомъ въ греческомъ языкѣ, какъ и въ санскритѣ, кратковременные уклады гласныхъ чаще длительныхъ, но—въ отличіе отъ санскрита—сравнительно лишь въ небольшой степени; это объясняется тѣмъ, что въ греческомъ языкѣ категорія долгихъ гласныхъ увеличилась на счетъ краткихъ, благодаря замѣнительнымъ удлиненіямъ и случаямъ слитія двухъ краткихъ гласныхъ, соотвѣтственно чему категорія краткихъ гласныхъ убавилась въ процентномъ отношеніи.

3) Въ области *качественныхъ* различій гласныхъ здѣсь рѣшительная разница съ санскритомъ: гласный ă въ процентномъ отношеніи занимаетъ въ греческомъ третье мѣсто; самый частый гласный греческаго языка ĕ = 36%, затѣмъ ŏ = 25% и только теперь ă = 17%. Такимъ образомъ въ греческомъ произношеніи чаще всего встрѣчалось среднее раскрытіе рта при средне-язычной артикуляціи, значительно рѣже такое же раскрытіе рта въ соединеніи съ губной артикуля-

ціей и еще рѣже широкое раскрытіе при сравнительно индифферентномъ укладѣ органовъ произношенія; при этомъ въ области долгихъ среднихъ гласныхъ открытое произношеніе встрѣчалось чаще закрытаго особенно при средне-язычной артикуляціи, что̀ объясняется уже какъ особенность аттическаго діалекта, гдѣ процентъ *η* увеличился на счетъ ае. *ā. Въ отношеніи *парности* краткихъ и долгихъ гласныхъ въ древне-греческомъ языкѣ при краткомъ *e* и *o* существовало рядомъ по двѣ разновидности (открытая и закрытая) соотвѣтствующихъ долгихъ гласныхъ:

ē ‖ e^a и e^i
ō ‖ o^a и o^u;

но къ концу III вѣка до Р. Хр. долгое закрытое произношеніе среднихъ гласныхъ (e^i и o^u) переходитъ въ узкое и такимъ образомъ указанное соотношеніе парности гласныхъ измѣнилось.

4) Въ началѣ IV в. до Р. Хр. мы застаемъ аттическій діалектъ на пути уменьшенія *дифтонговъ*. Въ это время сохранялись еще дифтонги съ первымъ долгимъ компонентомъ, а изъ дифтонговъ съ первымъ краткимъ компонентомъ держались разнородные (т. е. *αι*, *οι*, *αυ*, *ευ*), однородные же (*ει* и *ου*), т. е. въ которыхъ оба компонента имѣли родственную артикуляцію, уже измѣнились въ соотвѣтствующіе закрытые среднія гласные (e^i и o^u), которые вмѣстѣ съ такими же гласными не-дифтонгическаго происхожденія измѣнились въ III в. до Р. Хр., какъ было упомянуто, въ предѣльные узкіе гласные (ī и ū).

5) *Носовыхъ гласныхъ* въ разсматриваемую эпоху мы не застаемъ, такъ какъ они значительно раньше перешли въ чистые. Въ эпоху же своего существованія носовые гласные имѣлись только въ положеніи передъ *s*, происшедши изъ сочетанія чистаго гласнаго съ носовымъ согласнымъ: слѣдов.,

относительно условій развитія носовыхъ гласныхъ греческій языкъ близко сходится съ санскритомъ. Съ переходомъ носовыхъ гласныхъ въ чистые положеніе мягкаго неба стало при произношеніи гласныхъ въ греческомъ языкѣ постоянно приподнятымъ; на этой ступени греческій языкъ представляетъ уже дальнѣйшую фазу развитія по сравненію съ санскритомъ.

6) Нѣтъ въ греческомъ языкѣ и древнихъ слогообразующихъ плавныхъ, такъ какъ они преобразовались въ сочетаніе изъ плавнаго согласнаго съ ă, срв. *πατράσι* = скт. pitr̥šu.

7) Переходимъ къ согласнымъ звукамъ. Въ греческомъ языкѣ существуютъ только глухіе *придыхательные*, которые соотвѣтствуютъ санскритскимъ глухимъ и звонкимъ придыхательнымъ. Процентъ ихъ приблизительно соотвѣтствуетъ санскриту: скт. 3,26%, греч. 3,24% (высчитано на общее количество всѣхъ звуковъ).

8) Съ точки зрѣнія *органовъ произношенія* наиболѣе частою артикуляціей въ греческомъ языкѣ, какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, является передне-язычная (къ этой именно категоріи принадлежатъ и наичаще встрѣчающіеся отдѣльные согласные—*σ*, *ν*, *τ*). Это состояніе въ общемъ согласуется и съ санскритомъ.

9) По *способу произношенія* чаще всего требовался въ греческомъ взрывной укладъ при открытой голосовой щели (т. е. категорія глухихъ взрывныхъ согласныхъ), какъ и въ санскритѣ.

10) *Самымъ частымъ* согласнымъ въ аттическомъ нарѣчіи греческаго языка былъ передне-язычный придувной *σ* (11,34% всего количества звуковъ), тогда какъ въ санскритѣ —передне-язычный взрывной *t* (однакожъ лишь 6,58%). Спрашивается, какъ могла произойти столь значительная разница между двумя родственными языками? Отвѣтъ намъ дастъ звуковая исторія этихъ языковъ; на основаніи ея чрезмѣрное

обиліе передне-язычнаго придувнаго σ въ греческомъ объясняется обиліемъ случаевъ происхожденія σ изъ *t подъ вліяніемъ смягченія, а также на почвѣ сочетаній T + T = σT (срв. часто встрѣчающіяся глагольныя окончанія 3 ед. и мн. главныхъ временъ въ дѣйств. залогѣ *-ti и *-nti, измѣнившіяся въ -σι, далѣе—суффиксъ существительныхъ *-ti- = -σι-, случаи 3 ед. въ стр. залогѣ перфекта *T + ται = σται и т. п.), [1]) между тѣмъ какъ въ санскритѣ—напротивъ того—категорія s даже убыла, такъ какъ тамъ часть s при нѣкоторыхъ опредѣленныхъ условіяхъ перешла въ висаргу, š, ṛ и въ пуль, а другаго источника пополненія s въ санскритѣ не было. На разсмотрѣнномъ случаѣ мы наглядно убѣждаемся, насколько статистическія цифры являются чувствительнымъ показателемъ тѣхъ фонетическихъ перемѣнъ, которыя совершались въ жизни отдѣльныхъ родственныхъ языковъ.

§ 35. Въ настоящемъ параграфѣ мы займемся съ нѣкоторою подробностью выясненіемъ произношенія начертаній въ древне-греческомъ языкѣ въ разныхъ діалектахъ и въ разныя эпохи, начавъ съ аттическаго діалекта въ его болѣе древнемъ состояніи. Весьма крупныя измѣненія испыталъ греческій *вокализмъ*, особенно въ области одноорганныхъ дифтонговъ (т. е *ει и *ου) и соотвѣтствующихъ имъ вторично-долгихъ ε и ο. Благодаря такимъ измѣненіямъ, уже къ концу V в. до Р. Хр. аѳиняне чувствовали несоотвѣтствіе употреблявшагося въ то время письма съ живымъ произношеніемъ; это очевидно изъ того, что въ 403 г. до Р. Хр., т. е. въ самомъ концѣ пятаго до-христіанскаго столѣтія, при архонтѣ Эвклидѣ, была произведена оффиціально орѳографическая реформа.

---

[1]) Однако категорія t въ греческомъ нѣсколько восполнила свою убыль на счетъ *k² въ положеніи передъ смягчающими гласными, такъ что все-таки τ на все количество звуковъ составляетъ 8,10%; тоже и процентъ согласнаго p увеличился въ греческомъ на счетъ *k².

Эта реформа, между прочимъ, расширила употребленіе *дифтонгическихъ начертаній* ει и ου, распространивъ ихъ на вторично-долгіе гласные *е* и *о*. Въ до-эвклидовскомъ же письмѣ начертанія *EI* и *OY* служили для дѣйствительныхъ дифтонговъ, а вторично-долгіе *е* и *о* обозначались начертаніями *E* и *O*, напр. писали *ΛΕΙΠΟ* (т. е. *λείπω*) и *ΒΟΥΣ* (*βοῦς*), но *ΕΝΑΙ* (*εἶναι*) и *ΤΟΣ* (*τούς*). Постараемся точнѣе выяснить, почему въ случаяхъ, подобныхъ указаннымъ, въ до-эвклидовскомъ письмѣ примѣнялись двоякія начертанія (*EI* и *E*, *OY* и *O*) и почему вторыя (т. е. *E* и *O*) съ реформою уступили мѣсто первымъ. Дѣло въ томъ, что ει въ словахъ *λείπω* и *εἶναι* не одного и того же происхожденія, равно какъ и ου въ словахъ *ἰοῦς* и *τούς*. Сравнительно-фонетическое изслѣдованіе обнаруживаетъ, что ει въ словѣ *λείπω* (срв. литов. lëkù, гдѣ ë указываетъ на первопачальный дифтонгъ) и ου въ словѣ *βοῦς* (срв. скт. gaus) дѣйствительно имѣютъ дифтонгическое происхожденіе, тогда какъ въ словахъ *εἶναι* и *τούς* на мѣстѣ ει и ου никогда не было настоящихъ дифтонговъ, это были просто долгіе гласные *ē* и *ō*, получившіеся путемъ замѣнительнаго удлиненія изъ соотвѣтствующихъ краткихъ гласныхъ (*εἶναι* ← **ἔσναι*, гдѣ корень *-ἐσ-* и окончаніе *-ναι*; *τούς* ← **τονς*). Возникаетъ вопросъ, почему же во второмъ случаѣ съ реформой письма предпочли дифтонгическія начертанія *EI* и *OY*, хотя тутъ первоначально дифтонговъ не было. [1]) Этотъ вопросъ намъ поможетъ выяснить физіологія современнаго произношенія. Въ нѣкоторыхъ языкахъ, какъ напр. въ нѣмецкомъ, англійскомъ, сербскомъ произношеніе долгихъ *ē* и *ō* соединено съ закрытымъ или съуженнымъ характеромъ этихъ гласныхъ, причемъ означенные звуки не остаются однородными на всемъ сво-

---

[1]) Замѣтимъ, что вторично-долгіе гласные $\bar{e}^{i}$ и $\bar{o}^{u}$ получались въ греческомъ еще путемъ слитія: ε + ε = ει; ε + ο и ο + ε = ου. Въ до-эвклидовскихъ надписяхъ и здѣсь примѣнялись простыя начертанія E и O.

емъ протяженіи, но къ концу становятся еще болѣе съуженными; срв. нѣм. Thee, Ton, англ. hate, hope, серб. тѐ и т. п. Весьма любопытно, что въ нѣкоторыхъ практическихъ руководствахъ по изученію нѣмецкаго и англійскаго языковъ эти еще болѣе съуживающіеся къ концу закрытые $\bar{e}^{i}$ и $\bar{o}^{u}$ обозначаются дифтонгически, какъ напр. тēй, тōўн [1]), а извѣстный англійскій лингвистъ Sweet транскрибируетъ вышеприведенныя англійскія слова въ видѣ heit, houp [2]). Вотъ нѣчто подобное случилось и въ Аѳинахъ въ эпоху орѳографической реформы: надо думать, что тамъ долгіе закрытые $\bar{e}^{i}$ и $\bar{o}^{u}$ слышались тогда какъ еще болѣе съуживающіеся къ концу, а потому для передачи ихъ и было принято дифтонгическое обозначеніе, т. е. подобно ископпымъ дифтонгамъ, съ которыми они очевидно уже совпадали въ произношеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ приходится думать, что къ этому времени и ископные дифтонги *ei и *ou уже измѣнились въ такіе же закрытые монофтонги $\bar{e}^{i}$ и $\bar{o}^{u}$; такое совпаденіе и было поводомъ къ обозначенію сходныхъ гласныхъ одинаковыми начертаніями. Къ сказанному нужно прибавить, что вторично-долгіе $\bar{e}^{i}$ и $\bar{o}^{u}$ уже нерѣдко передавались дифтонгическими начертаніями *EI* и *OY* на надписяхъ до-эвклидовскихъ [3]), а это доказываетъ, что произведенная орѳографическая реформа дѣйствительно назрѣла. Съ другой стороны отдѣльныя обозначенія вторично-долгихъ $\bar{e}^{i}$ и $\bar{o}^{u}$ по старому способу, т. е. черезъ *E* и *O*, продолжаютъ встрѣчаться еще нѣкоторое время и послѣ реформы, переходя даже во вторую половину IV в. до Р. Хр. [4]), что̀ можетъ свидѣтельствовать о силѣ традиціи въ письмѣ. Соотвѣтствіе въ

---

[1]) Самоучитель нѣмецкаго языка для взрослыхъ. Составилъ по методѣ Туссэна и Лангеншейдта *А. Рѣдкинъ*.

[2]) См. его Elementarbuch des gesprochenen Englisch. Oxford, Leipzig (1904)[8].

[3]) См. G. Meyer Griechische Gram. § 69 въ концѣ.

[4]) Тамъ же.

ходѣ обозначенія того и другаго гласнаго указываетъ на то, что процессъ превращенія древнихъ дифтонговъ *ei и *ou въ монофтонги и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшенія послѣднихъ съ вторично-долгими ē и ō совершался параллельно. [1]) Въ дальнѣйшемъ развитіи здѣсь получаются долгіе узкіе гласные; такъ уже въ III в. на одной аттической надгробной надписи встрѣчаемъ *ἄπιμι* вм. *ἄπειμι*. [2]) Аналогичныхъ случаевъ примѣненія въ аттическомъ начертанія *υ* вм. *ου* мы не можемъ встрѣтить, такъ какъ тамъ отдѣльное начертаніе *υ* выражало особый гласный типа *ü* [3]). И такъ, процессъ измѣненія первоначальныхъ дифтонговъ *ei и *ou въ узкіе долгіе гласные ī и ū (которые въ силу традиціи продолжали обозначаться дифтонгически) совершился въ аттическомъ на протяженіи двухъ-трехъ столѣтій (V—III в. до Р. Хр.), т. е. смѣною приблизительно десяти поколѣній. Намъ нужно еще замѣтить, что по причинѣ разнаго происхожденія *ει* и *ου*, какъ эти начертанія утвердились послѣ реформы Эвклида, лингвисту необходимо по отношенію къ каждому случаю греческихъ начертаній *ει* и *ου* задаваться вопросомъ, лежитъ ли въ основѣ его исконный дифтонгъ или же вторично-долгій гласный;

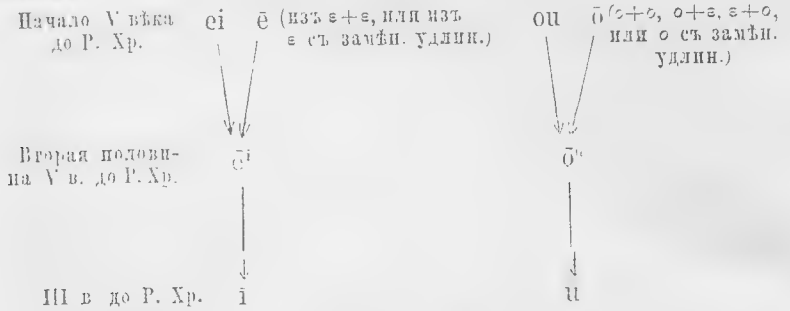
---

[1]) Однако Бругманъ полагаетъ, что въ аттическомъ діалектѣ въ V в. до Р. Хр. (если не раньше) дифтонгъ ει измѣнился въ ēⁱ (Vergl. Gram. I² стр. 180), тогда какъ дифтонгъ ου въ этомъ столѣтіи превратился уже въ узкій гласный ū (ib. стр. 195). Такое же соотношеніе ēⁱ и ū принято и Г. Мейеромъ (см. Griech. Gramm. §§ 69, 123). Мнѣ кажется однако, что всѣ разсматриваемые ими факты могутъ быть поняты и при допущеніи очень закрытаго ōᵘ въ качествѣ звука для начертанія ΟΥ въ концѣ V в. до Р. Хр.

[2]) G. Meyer Griech. Gramm. § 115.

[3]) Однако въ беотійскомъ на мѣстѣ обще-греч. υ произносился гласный *u*, какъ это доказывается примѣненіемъ начертанія ΟΥ вм. Υ послѣ введенія тамъ новаго (іоническаго) алфавита; такое произношеніе, бывшее діалектическимъ, доказываемое еще и для нѣкоторыхъ иныхъ говоровъ древне-греческаго языка, встрѣчается какъ діалектическое и въ ново-греческомъ, гдѣ кромѣ того нерѣдко и вообще является вм. ожидаемаго *i* въ слогахъ неударяемыхъ (см. Thumb A. Handb. d. neugr. Vulgärsprache, 1895, стр. 5).

сравнительно-фонетическія и этимологическія изслѣдованія позволяютъ рѣшать такіе вопросы. [1]) Изложенная нами исторія графическихъ дифтонговъ *ει* и *ου* въ аттическомъ діалектѣ можетъ быть представлена табеллярно слѣдующимъ образомъ:



Разсматривая синхронистически тѣ же процессы въ другихъ греческихъ діалектахъ, мы должны замѣтить, что *беотійское* нарѣчіе, принадлежащее къ эолической группѣ, вѣка на два опередило аттическое (и іоническое). Такъ, въ немъ стадія ī наступила еще въ V в. до Р. Хр.; это видно изъ того, что уже на надписяхъ старымъ алфавитомъ рядомъ съ *ει* встрѣчается *ι*, напр. Ἀριστογιτόνιος = Ἀριστογειτόνιος. Напротивъ того, въ дорическомъ діалектѣ процессъ развивался медленнѣе по сравненію съ аттическимъ, и тамъ долго еще примѣнялись

---

[1]) Послѣ всего сказаннаго становится яснымъ, что не только Рейхлиновское произношеніе, какъ опирающееся на ново-греческій выговоръ, не соотвѣтствуетъ древности, но и Эразмовское, предписывающее напр. дифтонгическія начертанія выговаривать по буквамъ: въ самомъ дѣлѣ, по отношенію напр. къ неэпиному дифтонгу *ει* это было бы справедливо относительно начала пятаго столѣтія до Р. Хр., но не справедливо по отношенію къ вторично-долгому ē[i] той же эпохи; по отношенію же къ IV-ому до-христіанскому столѣтію не отвѣчаетъ ни тому, ни другому случаю, такъ какъ въ этомъ столѣтіи въ обоихъ случаяхъ произносился монофтонгъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, всю условность школьнаго произношенія древне-греческаго языка.

монофтонгическія начертанія η и ω, прежде чѣмъ они смѣнились начертаніями $\varepsilon\iota$ и $o\upsilon$. [1]) Если взглянуть на вопросъ съ точки зрѣнія сравнительно-грамматической, то аналогичный процессъ измѣненія дифтонговъ ae. **ei* и **ou* мы наблюдаемъ въ латинскомъ, славянскомъ (относится къ эпохѣ слав. пралзыка), тогда какъ въ арійскомъ отдѣлѣ первый компонентъ этихъ дифтонговъ измѣнился въ *a*, въ зависимости отъ чего и самые дифтонги имѣютъ другой путь развитія; вѣтви германская и литовская также представляютъ свои особенности. Что же касается вторично-долгихъ $\bar{e}$ и $\bar{o}$, то эти случаи составляютъ спеціально-греческое явленіе, возникая тамъ между прочимъ на почвѣ слитія, которое происходило въ древнегреческихъ діалектахъ послѣ исчезновенія между гласными звуковъ σ, j и $\digamma$.

Мы только отчасти коснулись реформы Эвклида; укажемъ вкратцѣ также и другія преобразованія въ старомъ алфавитѣ. Въ послѣднемъ не существовало особыхъ начертаній для долгихъ и краткихъ гласныхъ, что представляло особенное неудобство въ области среднихъ гласныхъ, гдѣ кромѣ краткой разновидности ($\breve{e}$, $\breve{o}$) имѣлись еще двѣ долгихъ ($\bar{e}^a$ и $\bar{e}^i$; $\bar{o}^a$ и $\bar{o}^u$), причемъ обѣ обозначались сходнымъ начертаніемъ (*E* ; *O*). Теперь здѣсь установилось различіе: знаки *E* и *O* остались лишь для передачи краткихъ гласныхъ, долгія же закрытыя разновидности $\bar{e}^i$ и $\bar{o}^u$, какъ мы видѣли, получили дифтонгическія обозначенія; наконецъ, для долгихъ открытыхъ разновидностей были усвоены особыя начертанія, а именно: $\bar{e}^a$ стало обозначаться знакомъ H (раньше это былъ знакъ

---

[1]) Аренсъ, какъ извѣстно, на соотношеніи η : $\varepsilon\iota$ и ω : $o\upsilon$ основалъ свое раздѣленіе дорическихъ діалектовъ на строгій и мягкій доризмъ. G. Meyer не безъ основанія указалъ на несостоятельность подобнаго дѣленія, считая эти отношенія просто хронологическими, какъ стадіи, принадлежащія въ одномъ и томъ же діалектѣ разнымъ эпохамъ; въ этомъ смыслѣ и аттическій діалектъ проходилъ стадію строгаго доризма (Griech. Gramm. § 69).

густаго придыханія) [1]), для гласнаго же ō[a] былъ введенъ новый знакъ Ω. Въ области согласныхъ придыхательные передавались въ старомъ письмѣ начертаніями РН, КН и Θ, теперь же установлены были простые знаки (Φ и Χ) и вмѣсто первыхъ двухъ сложныхъ обозначеній.

Продолжимъ свое изученіе произношенія буквъ въ древне-греческомъ языкѣ и отъ *однородныхъ* дифтонговъ перейдемъ къ разсмотрѣнію *разнородныхъ* αι и οι. [2]) Обозначеніе этихъ дифтонговъ не подверглось реформированію, и по этой причинѣ, а также благодаря, такъ сказать, орѳографичности аттическихъ надписей, мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ для непосредственнаго сужденія о развитіи произношенія названныхъ дифтонговъ. Поэтому естественно обратиться за данными къ тому нарѣчію, которое—напротивъ—богато памятниками, которые изобилуютъ малограмотностями. Мы разумѣемъ беотійское нарѣчіе, гдѣ кромѣ того, какъ мы видѣли, развитіе вокализма вѣка на два опережаетъ аттическое нарѣчіе; а потому, установивши хронологическія данныя для этого діалекта, мы можемъ предположительно сдѣлать заключеніе и объ аттическомъ нарѣчіи.

Прежде всего надо сказать, что развитіе разнородныхъ дифтонговъ αι и οι совершалось въ беотійскомъ медленнѣе по сравненію съ однородными. Если однородные дифтонги дали

---

[1]) Въ новой системѣ орѳографіи густое придыханіе уже не имѣетъ обозначенія; пропускъ густаго придыханія наблюдается еще при старомъ письмѣ, т. е. до временъ Эвклида. Это доказываетъ, что въ аттическомъ діалектѣ густое придыханіе стало рано редупироваться. Соотвѣтственно этому потребовалась также перемѣна начертаній и придыхательныхъ губнаго и заднеязычнаго, т. е. РΗ и ΚΗ.

[2]) См. G. Meyer Griech. Gramm. §§ 113 и 116; также въ Сравнительной и греческой грамматикахъ Бругмана. Въ своемъ изложеніи мы имѣемъ въ виду исторію дифтонговъ αι и οι въ положеніяхъ, въ которыхъ сохранялась ихъ слоговая цѣлость, т. е. передъ согласнымъ, а также въ концѣ словъ

здѣсь монофтонги уже въ V в. до Р. Хр., то разнородные дифтонги въ томъ же столѣтіи еще сохраняли свой дифтонгическій характеръ, такъ какъ **αἰ* передавалось черезъ *αε*, **οἰ*—черезъ *οε*; такое обозначеніе находимъ въ надписяхъ изъ беотійской Танагры, писанныхъ старымъ алфавитомъ (слѣдов. еще въ V в. до Р. Хр.), напр. въ собственныхъ именахъ—*Λεσχρώνδᾱς*, *Ἀριστόθοενος* (отъ слова *θοίνη* „пиръ, пища“) и др.; изъ такихъ написаній можно заключать, что второй компонентъ данныхъ дифтонговъ уже пересталъ быть опредѣленнымъ *i*, начиная смахивать на *e*. Изъ разсматриваемыхъ двухъ дифтонговъ измѣнился въ монофтонгъ прежде всего *αι* (*αε*), что́ вполнѣ понятно, такъ какъ въ этомъ дифтонгѣ артикуляціонное различіе между первымъ и вторымъ компонентомъ меньше, чѣмъ въ дифтонгѣ *οι* (*οε*). Въ самомъ дѣлѣ, въ беотійскомъ нарѣчіи въ IV в. до Р. Хр., т. е. съ принятіемъ новаго алфавита, мы встрѣчаемъ уже монофтонгическое начертаніе вм. *αι* (*αε*), именно—*η*, т. е. долгое открытое *e* ($\bar{e}^a$), напр. *ἱππότη* изъ *ἱππόται* и др., между тѣмъ какъ перемѣнъ въ обозначеніи дифтонга *οι* (*οε*) въ это время еще не наблюдается. Только съ конца слѣдующаго (т. е. III-го) до-христіанскаго столѣтія появляется въ беотійскомъ монофтонгическое начертаніе и на мѣстѣ дифтонга *οι* (*οε*), именно—$\bar{v}$, напр. *Θῡναρχος*, *Fῡκίᾱ*; такимъ образомъ, сравнительная неравномѣрность въ ходѣ превращенія въ монофтонгъ двугласныхъ *αι* (*αε*) и *οι* (*οε*) въ беотійскомъ составляетъ меньше двухъ столѣтій. Дальнѣйшее развитіе этого $\bar{v}$ и ī происходитъ уже въ позднія времена; это доказывается тѣмъ, что лишь на совершенно позднихъ надписяхъ изъ Херонеи и Лебадеи встрѣчается употребленіе *ει* (т. е. ī) рядомъ и вмѣсто $\bar{v}$ (изъ *οι*), напр. *αὐτεῖς*.

Что касается аттическаго діалекта, то соотвѣтствующія перемѣны разнородныхъ дифтонговъ *αι* и *οι*, какъ слѣдуетъ предположить на основаніи раньше сказаннаго, должны быть отодвинуты на болѣе позднее время и не меньше, чѣмъ на

два-три столѣтія. Даже оказывается, что написанія $\bar{\upsilon}$ вм. *οι* и *ε* вм. *αι* въ аттическомъ встрѣчаются въ надписяхъ не раньше II в. послѣ Р. Хр. Но мнѣ кажется, что для аттическаго діалекта эта поздняя дата не имѣетъ рѣшающаго значенія, въ виду орѳографичности надписей; такое произношеніе въ простонародномъ говорѣ, надо думать, началось раньше. Укажемъ здѣсь на то, что грамматикъ Геродіанъ (II в. послѣ Р. Хр.) въ своемъ сочиненіи *περὶ ὀρθογραφίας* даетъ множество правилъ относительно того, въ какихъ словахъ надо писать *αι* и въ какихъ *ε*, гдѣ *ει* и гдѣ *ι*; точно также тамъ и сямъ требовалось уже особое указаніе и для различенія *η* отъ *ει*, *υ* отъ *οι*. Съ этого времени постепенно усиливается потребность въ правилахъ правописанія, которыя въ византійскую эпоху разрастаются до огромныхъ размѣровъ. [1]) Очевидно, что во время Геродіана смѣшивались уже въ произношеніи *αι* и *ε*, *υ* и *οι*; произношеніе же *οι* хотя и совпало съ произношеніемъ *υ*, но еще различалось отъ *ι*. Самыя смѣшенія, надо думать, произошли раньше [2]), такъ какъ въ эту эпоху уже имѣлось даже смѣшеніе долготы и краткости, какъ видно изъ правилъ о различеніи *αι* и *ε*, что̀ подтверждаютъ также и аттическія надписи. Въ дальнѣйшемъ *υ* и *οι* измѣнились въ аттическомъ нарѣчіи въ *ί*; измѣненіе это относится Бругманомъ

---

[1]) См. Объясненія и дополненія *Г. Курціуса* къ его «Учебнику греческой грамматики». Переводъ съ 3-го нѣм. изданія подъ редакціею Д. Ѳ. Бѣляева. Казань (1881) стр. 24.

[2]) Вообще, встрѣчая у грамматиковъ свидѣтельства о смѣшеніи звуковъ, мы еще не имѣемъ права утверждать, что смѣшеніе это началось именно съ даннаго времени. Напр. правила, указываемыя Геродіаномъ, мы можемъ встрѣтить въ Κανόνες Ѳеогноста, относящихся къ IX в., и было бы странно относить къ тому же времени и начало языковаго явленія. Такъ, у Ѳеогноста встрѣчаемъ правило, указывающее на совпаденіе произношенія *υ* и *οι*. «всѣ слова на *υξ* надо писать черезъ *υ* кромѣ слова *προῖξ*» (Курц., ук соч., стр. 27.); самое смѣшеніе, конечно, началось раньше. Вѣроятно, въ эпоху Ѳеогноста здѣсь уже слышалось *ί*.

уже въ IX или X в. [1]), что̀ намъ кажется слишкомъ позднимъ. Что касается дифтонга *αι*, то развитіе его остановилось на стадіи *ε* [2]), которую представляетъ и современное ново-греческое произношеніе. Такимъ образомъ, въ ново-греческомъ языкѣ мы встрѣчаемъ произношеніе *і* на мѣстѣ древнихъ *ι, υ, η, ει, οι*. Однако *Курціусъ* [3]) нашелъ возможнымъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: „Внимательные наблюдатели звуковъ находятъ даже еще и въ современномъ греческомъ языкѣ тонкое различіе между разными отдѣльными звуками *і*“. Очевидно, наблюдатели находятся здѣсь подъ вліяніемъ правописанія: вслѣдствіе привычки видѣть различное написаніе имъ кажется, что и звуки также различны, а между тѣмъ въ дѣйствительности звуковаго различія не существуетъ, хотя нельзя отрицать того, что оно можетъ искусственно создаваться подъ вліяніемъ теоріи.

Относительно разнородныхъ дифтонговъ *αυ* и *ευ* замѣтимъ, что въ положеніи передъ согласными второй компонентъ ихъ сталъ переходить въ придувной согласный (v, f), какъ это видно изъ смѣшенія соотвѣтствующихъ начертаній въ папирусахъ и надписяхъ, напр. въ луврскомъ папирусѣ II в. до Р. Х. *ϝαυβδος* вм. *ϝάβδος* или позднее *ἑυδομον* вм. *ἕβδομον* и т. п.; такое произношеніе возникло еще въ до-христіанское время.

Что касается *дифтонговъ съ первымъ долгимъ компонентомъ*, какъ напр. въ Д. ед. *δίκῃ, χώρᾳ, οἴκῳ*, то исторія ихъ представляетъ отличіе отъ исторіи аналогичныхъ дифтонговъ

---

[1]) Vergl. Gramm. I² стр. 181.

[2]) Здѣсь нужно отмѣтить частную діалектическую особенность беотійскаго нарѣчія: въ совсѣмъ позднихъ надписяхъ въ этомъ случаѣ кромѣ *η* пишется *ει* (напр. Εἴμων вм. Αἴμων), указывающее на переходъ прежняго открытаго *ē* въ болѣе закрытое произношеніе. Подобное явленіе извѣстно изъ Фессалійскаго нарѣчія по надписи изъ Ларисы около II в. до Р. Х. (срв. G. Meyer Griech. Gramm. § 114, Brugmann Vgl. Gramm. I² стр. 182), принадлежащаго также къ эолической группѣ.

[3]) Ук. соч. стр. 28.

съ первымъ краткимъ компонентомъ, т. е. *ει*, *αι* и *οι*. Между тѣмъ какъ послѣдніе въ своемъ развитіи въ монофтонги стремятся принять среднее направленіе между первымъ и вторымъ компонентомъ, въ дифтонгахъ съ начальнымъ долгимъ компонентомъ первый компонентъ удерживается, а второй редуцируется до нуля. Эта редукція является раньше всего въ однородномъ дифтонгѣ, т. е. *ηι*, именно—къ началу II в. до Р. Х., два же другіе дифтонга утрачиваютъ второй компонентъ позже—къ началу I в. до Р. Х. Утрата втораго компонента разсматриваемыхъ дифтонговъ доказывается колебаніемъ въ надписяхъ между обозначеніемъ и опущеніемъ этого звука. При этомъ нужно помнить, что iota писалась рядомъ съ гласнымъ (iota adscriptum), а наша iota subscriptum появилась только въ XII в.

Разсмотрѣвъ произношеніе дифтонговъ, мы должны еще остановиться на произношеніи *простыхъ гласныхъ*—краткихъ и долгихъ. Что касается *краткихъ* гласныхъ *ε* и *ο*, то изслѣдователи склонны приписывать имъ закрытое произношеніе [1]). Поводомъ для этого заключенія служатъ случаи замѣнительнаго удлиненія и слитія, дающіе въ результатѣ *ει* и *ου*; но закрытое произношеніе $\bar{e}^{i}$ (*ει*) и $\bar{o}^{u}$ (*ου*) могло развиться изъ средняго или вообще болѣе открытаго и потому падаетъ основаніе для вывода о закрытомъ произношеніи *ε* и *ο* въ соотвѣтствующихъ діалектахъ, а также и въ прагреческомъ. Кромѣ того факты замѣнительнаго удлиненія и слитія указываютъ на существенныя различія по діалектамъ древне-греческаго языка, изъ которыхъ однимъ было свойственно болѣе открытое, а другимъ болѣе закрытое произношеніе. [2])

Среди *долгихъ* гласныхъ древне-греческаго языка требу-

---

[1]) Срв. Giles Vergl. Gram. der Klassischen Sprachen (1896) стр. 88; Brugmann Vergl. Gram. I² стр. 141.

[2]) Срв. Коршъ О. Двогласныя въ древне-греческомъ языкѣ съ физіологической точки зрѣнія. Р. Ф. В. 1902, № 3—4, стр. 293—294.

етъ нѣкоторыхъ замѣчаній о произношеніи долгое открытое ē[a], начавшее обозначаться при новомъ письмѣ посредствомъ *H* (*η*). Въ аттическомъ діалектѣ мы видимъ *η* двоякаго происхожденія: 1) общегреческое ē (напр. въ словѣ *πατήρ*), проходящее по всѣмъ греческимъ діалектамъ и лишь въ элейскомъ діалектѣ имѣющее отступленія, 2) іоническо-аттическое ē (въ аттическомъ представляющее извѣстное чередованіе съ ā, напр. въ окончаніи 1-го склоненія: *δίκη* || *χωρᾱ*), въ другихъ діалектахъ отражающееся въ видѣ ᾱ; первое восходитъ къ ае. *ē, а второе къ ае. *ā. [1]) Какъ мы видѣли, знакъ *H* (*η*) былъ введенъ для обозначенія долгаго открытаго *e* (ē[a]) въ отличіе отъ начертанія *EI* (*ει*), принятаго для передачи долгаго закрытаго *e* (ē[i]). Однако въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи гласный ē[a] (*η*) сталъ постепенно переходить въ закрытое произношеніе, между тѣмъ какъ дифтонгъ *αι* измѣнялся по направленію къ ē[a], чтобы со временемъ въ звуковой системѣ греческаго языка занять мѣсто, раньше принадлежавшее гласному *η* (ē[a]). Такимъ образомъ въ ходѣ развитія *η* и *αι* совпаденія не произошло, и въ ново-греческомъ *η* = *i*, *αι* = *e*. Произношеніе *i* на мѣстѣ *η*, другими словами—замѣна на письмѣ *η* посредствомъ *ι*, на аттическихъ надписяхъ впервые встрѣчается только во II в. по Р. Х. [2]), т. е. одновременно съ случаями замѣны *αι* черезъ *ε*. Въ беотійскомъ и ѳессалійскомъ діалектахъ уже съ начала IV в. до Р.Х., т. е. съ принятіемъ новаго алфавита, вмѣсто *η* [3]) пишется *ει* въ значеніи ē[i], и въ то же время вмѣсто *αι* встрѣчаемъ *η* въ смыслѣ ē[a].

---

[1]) Есть данныя, заставляющія думать, что въ іоническо-аттическомъ до V в. ē того и другаго происхожденія еще не совпали, различаясь степенью открытости.

[2]) G. Meyer Gr. Gr. § 73, въ концѣ.

[3]) Здѣсь, конечно, можетъ идти рѣчь только объ обще-греческомъ ē (*η*), такъ какъ позднѣйшему іоническо-аттическому ē (*η*) въ названныхъ діалектахъ, какъ принадлежащихъ къ эолической группѣ, соотвѣтствуетъ ā.

Чтобы закончить обзоръ древне-греческаго вокализма со стороны произношенія, мы остановимся на качественныхъ изизмѣненіяхъ *неударяемыхъ гласныхъ*. Изслѣдователями эта сторона не затрогивается вѣроятно потому, что въ отличіе отъ латинскаго греческій языкъ долѣе сохранялъ тоническій характеръ своего ударенія, а это обстоятельство благопріятствовало сохраненію неударяемыми гласными качества своего звука. Однако нѣкоторыя діалектологическія данныя древне-греческаго языка становятся болѣе понятными, если взглянуть на нихъ именно съ этой точки зрѣнія. Сюда я отнесъ бы такіе случаи, какъ предлогъ *ἰν* вм. *ἐν* въ аркадско-кипрскомъ нарѣчіи, кипр. *γένοιτυ* вм. *γένοιτο* (optat.), неударяемое окончаніе *-ουϛ* или *-υϛ* вм. *-οϛ* въ И. ед. 2-го скл. и Р. ед. 3-го скл. въ памфилійскомъ нарѣчіи. [1]) На этихъ примѣрахъ мы видимъ, что качественному измѣненію подвергаются въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ краткіе средніе гласные—*ε* и *ο*, при чемъ направленіе измѣненія аналогично измѣненію тѣхъ же неударяемыхъ гласныхъ въ латинскомъ языкѣ. [2])

Въ области *консонантизма* мы остановимся прежде всего на исторіи произношенія *придыхательныхъ* согласныхъ. [3]) То, что это были уже съ самыхъ древнихъ временъ греческой письменности глухіе придыхательные, доказываютъ такіе примѣры, какъ *τίθημι*=скт. dádhāmi, при чемъ въ греческомъ словѣ удвоеніе содержитъ глухой взрывной согласный въ соотвѣтствіи съ придыхательнымъ въ корнѣ, подобно тому какъ въ санскритѣ въ слогѣ удвоенія мы видимъ звонкій взрывной въ соотвѣтствіи съ звонкимъ придыхательнымъ корневаго сло-

---

[1]) Срв. Brugmann Vgl. Gram. I² стр. 141.

[2]) См. замѣчанія о неударяемомъ вокализмѣ въ ново-греческомъ языкѣ и его говорахъ въ книгѣ Thumb A. Handbuch der neugriechischen Volkssprache (1895) §§ 5—12.

[3]) По этому вопросу см. въ особенности G. Meyer Griech. Gram. §§ 204—211.

га. Отсюда мы можемъ заключить, что въ аріо-европейскомъ праязыкѣ, удвоеніе въ подобныхъ случаяхъ состояло въ повтореніи придыхательнаго, т. е. въ нашемъ примѣрѣ *dhe - dhē- или *dhi - dhē - и лишь на почвѣ отдѣльныхъ вѣтвей произошло явленіе расподобленія, при чемъ въ прагреческомъ уже по переходѣ звонкихъ придыхательныхъ въ глухіе. Такіе факты древней греческой графики, какъ начертанія *PH* и *KH* для обозначенія придыхательныхъ, также доказываютъ глухую природу послѣднихъ. Въ виду того, что на мѣстѣ древнихъ глухихъ придыхательныхъ въ ново-греческомъ оказываются уже глухіе придувные (т. е. *φ*, *χ* и *ϑ*), возникаетъ вопросъ, какимъ путемъ и когда произошло это звуковое измѣненіе. Есть данныя, позволяющія принять въ качествѣ переходной ступени категорію т. наз. аффрикатъ (affricatae), т. е. гоморганныхъ придыхательныхъ (pf, k*χ*, t*ϑ*). Такія данныя представляются не только въ надписяхъ, но и въ дошедшихъ текстахъ древне-греческихъ литературныхъ памятниковъ, при чемъ въ стихотворныхъ произведеніяхъ категорія аффрикатъ могла обусловливать долготу по положенію, напр. у Теогн. 1099 *βρῶχος* (т. е. *βρόκχος*) и т. п.; даже самыя обозначенія *πφ*, *τϑ* и *κχ* встрѣчаются какъ въ текстахъ, такъ и надписяхъ. Аффрикаты затѣмъ переродились въ усиленные спиранты, на что указываютъ встрѣчающіяся иногда обозначенія *φφ*, *χχ*, *ϑϑ*, откуда затѣмъ простые спиранты (извѣстно, что во времена Приспіана, римскаго грамматика начала VI в. по Р. Х., звукъ *φ* былъ губно-губнымъ спирантомъ). Мы изложили вопросъ о преобразованіи произношенія придыхательныхъ лишь въ общемъ видѣ; въ частностяхъ же оказываются діалектическія особенности. Такъ, въ беотійскомъ *τ* вм. *ϑ* мы видимъ въ положеніи послѣ *σ* (подобнымъ образомъ въ локрійскомъ, ѳессалійскомъ, элейскомъ). Далѣе отмѣтимъ переходъ *ϑ* въ *σ* на лаконскихъ надписяхъ поздняго времени и, по-видимому, въ положеніи передъ смягчающими гласными, напр. *σιοφόρος* = атт. *ϑεοφόρος*; въ беотійскомъ нарѣчіи встрѣчаются уже спорадически случаи замѣ-

ны ϑ черезъ φ (напр. въ Додонской надписи φεῶν = ϑεῶν, φύοντες = ϑύοντες). Всѣ приведенные діалектическіе примѣры изъ древне-греческаго языка могутъ быть поставлены въ связь съ діалектическими особенностями ново-греческаго языка.

Примѣчаніе. Для подтвержденія сказаннаго сдѣлаемъ краткій обзоръ отраженія древне-греческихъ придыхательныхъ въ народномъ ново-греческомъ языкѣ. Какъ *общее явленіе* мы встрѣчаемъ здѣсь произношеніе τ вм. ϑ въ положеніи послѣ σ, напр.: μιστός (*mistós*) «жалованье»=лрн. μισϑός; ἀστενής (*astenis*) «больной, слабый» = ἀσϑενής; στάνομαι (*stánome*) «чувствую, ощущаю» = αἰσϑάνομαι; и др. Но современный народно-греческій языкъ произноситъ τ вм. ϑ также и послѣ другихъ спирантовъ, т. е. *f*, χ и *r*; напр.: φτάνω (*ftáno*) «достигаю» = лрн. φϑάνω; εὐτύς (*eftis*) «тотчасъ» = εὐϑύς, гдѣ *f* образовалось изъ втораго компонента древняго дифтонга; μυχτερό (*muχterό*) «свинья», срв. лрн. μοχϑηρός «злой, дурной»; ὀρτόνω (*ortóno*) «выпрямляю, поднимаю» = ὀρϑόνω или ὀρϑῶ. Далѣе, аналогичный процессъ наблюдается уже и въ области двухъ другихъ древнихъ придыхательныхъ (χ, φ), хотя и не въ столь широкомъ объемѣ. Такъ, древнее χ въ современномъ народномъ языкѣ *постоянно* отражается въ видѣ κ въ положеніи послѣ придувнаго σ, а *діалектически* также послѣ другихъ спирантовъ—*f*, *r*; срв.: σκάζω (*skázo*) «разрываю, надрѣзываю» = лрн. σχάζω; σκολειό (*skolió*) «школа» = σχολεῖον, и т. п.; критск. καυκοῦμαι (*kafkúme*) «хвалюсь, кичусь» = лрн. καυχῶμαι, гдѣ κ вм. χ въ положеніи послѣ придувнаго *f*, отражающаго второй компонентъ древняго дифтонга; здѣсь будетъ также кстати упомянуть о нерѣдкомъ появленіи вторичнаго κ послѣ губнаго спиранта въ глаголахъ въ кипрскомъ нарѣчіи, напр. ἀρκεύκω (*ark'éfko*) «начинаю»=ἀρχεύω; въ томъ же примѣрѣ и другое κ вм. χ въ положеніи послѣ ρ; срв. тамъ же ἔρκουμαι (*érkume*) «прихожу» = лрн. ἔρχομαι. Что касается замѣны φ черезъ π, то она извѣстна только какъ *діалектическое* явленіе въ положеніи послѣ σ, напр.: кипрск. σπακόμηλον (*spakómilon*) «ягода желтаго шалфея», слово образовано изъ σφάκος «шалфей» и μῆλον «ягода»; трапезунт. ἀσπαλίζω (*aspalizo*) «запираю» = лрн. ἀσφαλίζω. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ представленныхъ нами примѣровъ не трудно усмотрѣть въ развитіи процесса нѣкоторую градацію, именно градацію по силѣ вліянія предшествующихъ спирантовъ на отраженіе древнихъ придыхательныхъ въ народномъ ново-греческомъ языкѣ: ϑ = τ послѣ σ, φ, χ, ρ; χ = κ послѣ σ и діалектически послѣ φ и ρ; φ = π послѣ σ діалектически. Что касается измѣненія ϑ→σ, то таковое встрѣчаемъ въ потомкѣ стараго лаконскаго нарѣчія—въ Цаконскомъ говорѣ, напр.: σέρι (*séri*) «лѣто» = лрн. ϑέρος; νέσου (*nésu*) «пряду», и др.; также въ нѣкоторыхъ другихъ діалектахъ: локр. σλίγω (*sliγo*) «жму» = лрн. ϑλίβω; συλάχι (*siláχ'i*) «кожаный мѣшокъ» = лрн. ϑυλάκιον, крит. σελάχι. [1])

[1]) Фактическій матеріалъ заимствованъ нами изъ книги Foy K., Lautsystem der griechischen Vulgärsprache (1879), стр. 6—7, 9—10, 11, 49.

Остановимся еще на развитіи произношенія *звонкихъ взрывныхъ* согласныхъ. Они уже въ до-христіанское время діалектически измѣняются въ придувные; такъ, измѣненіе d→δ раньше всего обнаруживается въ элійскомъ парѣчіи замѣною буквы δ черезъ ζ, напр. ζέ, ζίκαια; измѣненіе b → v проявляется тоже въ элійскомъ и также лаконскомъ еще до римскаго владычества написаніями β вмѣсто F; g → γ, а передъ смягчающими гласными въ j, напр. въ надписяхъ II в. до Р. Хр., при чемъ значеніе γ=j подтверждается такими написаніями, какъ *κλαίγω* и т. п. [1])

Что касается *придувныхъ* согласныхъ, то начертаніе σ кромѣ глухаго s обозначало въ нѣкоторыхъ условіяхъ еще развившійся изъ него звонкій придувной z, что̀ доказываютъ такія написанія, какъ *ψῆφιζμα*, *πελαζγικόν*, появляющіяся уже съ IV в. до Р. Х.

§ 36. Согласно нашему плану изложенія мы должны теперь остановиться на характерѣ и развитіи *ударенія* въ древне-греческомъ языкѣ въ связи съ антропофоническимъ строеніемъ словъ. [2]) Однако если для древне-индійскаго языка мы могли составить довольно опредѣленную картину тоническаго строенія слова въ отдѣльности и въ предложеніи, то по отношенію къ древне-греческому мы не въ состояніи достигнуть такой опредѣленности по причинѣ недостаточности указаній грамматиковъ, изъ которыхъ древнѣйшія относятся лишь къ александрійской эпохѣ. Но, съ другой стороны, въ греческомъ мы встрѣчаемся съ важнымъ различеніемъ двухъ типовъ ударенія. Для освѣщенія вопросовъ древне-греческаго ударенія мы должны будемъ обратиться къ нѣкоторымъ фонетическимъ явленіямъ самого греческаго языка, а также и къ сравненію съ другими родственными языками.

---

[1]) См. Brugm. Griech. Gram. (1900)[3] стр. 108—109; Коршъ l. c. 315.

[2]) См. Brugmann Vergl. Gr., I[2] стр. 959—970; его же Kurze vergl. Gr. стр. 58—62; Masing. L. ук. соч.

Какъ извѣстно, греческое удареніе является въ двухъ основныхъ видахъ: 1) острое удареніе и 2) облеченное. Острое удареніе древне-греческаго языка понимается какъ восходящее, а облеченное—какъ нисходящее или восходяще-нисходящее, при чемъ острое удареніе можетъ стоять на краткихъ и долгихъ гласныхъ (*θεός, πατήρ*), тогда какъ облеченное только на долгихъ. Что именно такова природа этихъ двухъ типовъ ударенія всего проще убѣждаемся изъ разсмотрѣнія случаевъ слитія; срв. напр. *ε* + *έ* = *εί*, *έ* + *ε* = *εῖ*, откуда ясно видно, что острое удареніе на долгомъ гласномъ обозначаетъ повышеніе на второй морѣ этого гласнаго, а облеченное—на первой (на краткихъ гласныхъ могло стоять только острое удареніе, и вѣроятно это было простое краткое удареніе). Къ тому же выводу насъ приводитъ и параллелизмъ въ области ударенія Зват. ед. (по сравненію съ Им. ед.), гдѣ *Ζεῦ* : *Ζεύς* = *πάτερ* : *πατήρ*.[1]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ различію греческихъ острого и облеченнаго ударенія соотвѣтствуетъ различіе ударенія въ литовскомъ языкѣ, напр. греческому различію ударенія *τιμή*—*τιμῆς* отвѣчаетъ различіе и въ литовскомъ: mergà—mergõs и т. п. [2])

Познакомившись въ общихъ чертахъ съ двумя основными типами ударенія въ греческомъ, мы обратимъ теперь вниманіе на то, что на почвѣ греческаго языка произошелъ цѣлый рядъ перемѣнъ по отношенію къ первоначальному ударенію. Мы уже не застаемъ на почвѣ греческаго той первоначальной свободы ударенія относительно мѣста, какую видѣли въ санскритѣ, срв.

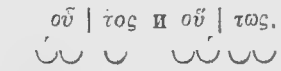
скт. bháramāṇas = *φερόμενος* и т. п.

---

[1]) Что греческое облеченное удареніе могло быть не просто нисходящее, а слегка восходяще-нисходящимъ, можно заключать опять-таки изъ случаевъ слитія (*έ* + *ε*), гдѣ первый элементъ имѣлъ острое удареніе, т. е. восходящаго типа, а также изъ такихъ случаевъ словопроизводства, какъ *σπουδή* < *σπουδαῖος* (срв. *δίκη* : *δίκαιος*).

[2]) Однако самое качество литовскаго ударенія въ томъ и другомъ случаѣ является противоположнымъ греческому: параллелизмъ противоположности.

Ударение въ греческомъ языкѣ закрѣпилось за тремя послѣдними слогами и дальше третьяго слога оно не можетъ удалиться отъ конца; это новое свойство греческаго ударенія, существовавшее однако уже, быть можетъ, въ прагреческомъ, называется *закономъ трехъ слоговъ* (Dreisilbiggezetz). Если, говоря о слогахъ, мы подставимъ краткости, то тогда этотъ законъ будетъ имѣть приложеніе и къ двусложнымъ словамъ, напр.



Въ такомъ случаѣ по отношенію къ трехсложнымъ словамъ съ ударениемъ на начальномъ слогѣ при подобномъ счетѣ приходится признать безразличіе внутренняго слога (т. е. стоящаго между послѣднимъ и третьимъ отъ конца), напр.

κίνημα
πόλεμος.

Само собою разумѣется, что „законъ трехъ слоговъ“ указываетъ только предѣлъ, дальше котораго ударение не можетъ заходить, но въ этихъ предѣлахъ ударение встрѣчается на любомъ мѣстѣ. [1])

Только что разсмотрѣнное нами состояніе ударенія въ греческомъ языкѣ мы еще застаемъ въ эпоху высшаго процвѣтанія Аѳинъ, т. е. въ IV в. до Р. Хр. Но въ послѣдующія столѣтія и оно измѣняется. Характеръ этого измѣненія состоитъ въ томъ, что ударение начинаетъ постепенно терять въ своей тонической сторонѣ и развивать сторону экспиратор-

---

[1]) Существуютъ, вполнѣ естественно, соображенія, старающіяся разъяснить путь, посредствомъ котораго произошло преобразованіе первоначальной свободы ударенія въ такое закрѣпленное за опредѣленными слогами состояніе, но эти догадки пока еще не имѣютъ достаточно твердой почвы, а потому мы на нихъ не останавливаемся (срв. Brugmann Vergl. Gram. I² стр. 962).

ную. Этимъ надо объяснить то обстоятельство, что въ папирусахъ и надписяхъ начинаютъ смѣшиваться первоначальныя долготы и краткость такимъ образомъ, что въ ударяемыхъ слогахъ часто встрѣчаемъ написаніе долгаго гласнаго, хотя гласный и кратокъ по происхожденію (напр. *Μακεδώνος*), а въ неударяемыхъ слогахъ встрѣчаемъ часто написаніе краткаго гласнаго, хотя гласный дологъ по происхожденію (напр. *πρόσοπον*) [1]); эта тенденція произносить ударяемые слоги длительнѣе, а неударенные кратко начинаетъ обнаруживаться въ написаніяхъ со II в. до Р. Хр. и, вѣроятно, сначала въ областяхъ внѣгреческихъ. [2]) Въ какой степени, соотвѣтственно этимъ явленіямъ, нужно признать перевѣсъ экспираторной стороны надъ тоническою въ эту эпоху древне-греческаго языка, сказать трудно. Все-таки замѣтимъ, что это состояніе напоминаетъ намъ нѣсколько состояніе нѣкоторыхъ современныхъ западно-европейскихъ языковъ (напр. франц., нѣм., англ., изъ славянскихъ же—словинскаго [3]), гдѣ долгота и краткость еще различаются при ударенiи, но въ неударяемыхъ положеніяхъ слоги уже утратили прежнюю долготу. Въ виду измѣнявшагося такимъ образомъ антропофоническаго строенія греческихъ

---

[1]) Эпоха весьма интересна въ языковомъ отношеніи и факты, подобные приведеннымъ, заслуживаютъ болѣе детальнаго изслѣдованія, особенно со стороны тѣхъ неударяемыхъ положеній, въ которыхъ имѣетъ мѣсто отмѣченное явленіе; срв. μεθενεί вм. μηθενί, т. е. въ слогѣ второмъ передъ ударенiемъ; πρόσοπον—во внутреннемъ послѣударенномъ слогѣ; по γίνοιτω вм. γίνοιτο, т. е. конечный неударенный гласный обозначенъ долгимъ. Срв. Brugm. Vgl. Gr. I² стр. 960.

[2]) При моихъ наблюденіяхъ надъ словинскимъ говоромъ Бледа я не различалъ на первыхъ порахъ въ ударяемыхъ слогахъ самостоятельную долготу и краткость и мое ухо просто лишь выдѣляло ударяемый слогъ отъ неударяемыхъ слоговъ того же слова; подобное явленіе легко могло имѣть мѣсто и въ греческомъ языкѣ въ областяхъ внѣгреческихъ.

[3]) См. мои Діалектологическія замѣтки. VI. Къ словенской діалектологіи: Говоръ Бледа сравнительно съ говоромъ Циркно (1905), стр. 9—10.

словъ въ разсматриваемую переходную эпоху, нельзя видѣть одну лишь недостаточную наблюдательность древне-греческихъ грамматиковъ, которые въ области тоническаго строенія греческихъ словъ различаютъ только ударяемый слогъ въ словѣ и неударенные, являющіеся для нихъ одинаково низкими (*βαρύτονα*). На папирусахъ и надписяхъ мы дѣйствительно видимъ, что знакъ тупаго ударенія, примѣнявшійся тогда для обозначенія неударенности, ставится безразлично на слогахъ неударяемыхъ. Однако мало-по-малу изъ неударяемыхъ слоговъ получаетъ нѣкоторое усиленіе въ послѣударяемой части конечный слогъ, къ которому и приноравливается теперь постановка знака Gravis. Съ этимъ явленіемъ можно сопоставить аналогичное явленіе въ современномъ словинскомъ [1]), гдѣ изъ неударяемыхъ слоговъ также подчеркнутъ конечный при нѣкоторомъ впрочемъ условіи. Но только съ IV в. по Р. Х. Gravis ставится вм. Acutus на конечномъ слогѣ въ связной рѣчи: очевидно къ этой функціи Gravis подготовлялся предшествующей эпохой, когда онъ служилъ для обозначенія конечнаго усиленнаго изъ неударяемыхъ слоговъ, а теперь сталъ примѣняться для обозначенія ослабленнаго остраго ударенія на конечномъ слогѣ въ связной рѣчи. Явленіе усиленія конечнаго неударяемаго слога даетъ намъ ключъ къ пониманію случаевъ при энклитикахъ, когда конечный неударяемый слогъ слова, сопровождаемаго энклитикою, усиливается даже до степени ударяемаго, напр. *πόλεμόν τινα* и т. п.

Что касается новогреческаго языка, то въ немъ конечно, подобно современному русскому, уже нѣтъ различія самостоятельной долготы и краткости не только въ неударяемыхъ слогахъ, но также и въ ударяемыхъ.

---

[1]) См. въ указанной выше моей статьѣ о говорѣ Бледа, стр. 17—22. Срв. также въ малорусскомъ (въ III вып. моихъ діалектологическихъ замѣтокъ: Говоръ села Сушки, Золотоношскаго у., Полтавской губ.).

Передъ нами прошелъ цѣлый сложный процессъ преобразованія древняго характера ударенія, а слѣдовательно и антропофоническаго строенія словъ, на почвѣ греческаго языка. Если вспомнимъ, что такого рода процессъ уже совершился или еще совершается и въ другихъ вѣтвяхъ нашего языковаго семейства, то мы поймемъ, что этотъ вопросъ долженъ служить предметомъ сравнительно-историческаго изученія по всѣмъ вѣтвямъ нашего семейства языковъ.

§ 37. *Звуковая система латинскаго языка.* Представимъ сначала перечень звуковъ въ обычномъ орѳографическомъ ихъ обозначеніи и съ указаніемъ процента употребительности: [1])

Гласные:

a	e	o	i	u
16	24	14	27	16
ae	au	eu	oe	
2	1			

Согласные:

p	b	f	v	m		
5	2	1	2	12		
t	d	s		n	r	l
16	6	15		14	10	4
c	g	h				
7	2	1				

Сдѣлаемъ нѣкоторыя замѣчанія по поводу приведенной таблицы:

1) Отношеніе гласныхъ къ согласнымъ въ латинскомъ языкѣ = 44 : 56 близко подходитъ къ санскриту, по сравненію же съ греческимъ разница болѣе значительна (въ грече-

---

[1]) Процентныя данныя заимствуемъ уже изъ цитированныхъ выше (стр. 22) статей Фёрстемана и напомнимъ, что онъ высчитывалъ проценты особо въ отдѣлѣ гласныхъ и особо въ отдѣлѣ согласныхъ.

скомъ оказывается большій процентъ гласныхъ и меньшій согласныхъ); это станетъ понятнымъ, если обратить вниманіе на бо̀льшую чѣмъ въ греческомъ языкѣ устойчивость согласныхъ въ латинскомъ.

2) Относительно процентныхъ соотношеній въ области гласныхъ латинскаго языка замѣтимъ слѣдующее. Широкій гласный *a* почти одинаково частъ въ латинскомъ и греческомъ. Средніе гласные *e* и *o* въ латинскомъ значительно рѣже, чѣмъ въ греческомъ; это объясняется тѣмъ, что часть ихъ въ неударяемыхъ положеніяхъ измѣнилась въ узкіе гласные. Процентъ узкихъ гласныхъ въ латинскомъ языкѣ значительно превышаетъ процентъ такихъ же гласныхъ греческаго языка; это объясняется кромѣ указанной особенности латинскаго неударяемаго вокализма еще болѣе частымъ переходомъ дифтонговъ въ узкіе гласные (въ латинскомъ не только *ou, но и *eu измѣнилось въ ū). Что касается процентнаго соотношенія узкихъ гласныхъ между собою, т. е. *i* : *u*, то въ греческомъ частота того и другаго гласнаго приблизительно одинакова, между тѣмъ какъ въ латинскомъ первый гласный на 11% чаще втораго, что̀ мы поймемъ, если сообразимъ, что неударяемый гласный *i* въ этомъ языкѣ очень часто встрѣчается въ окончаніяхъ. Вообще, въ латинскомъ самый частый гласный—*i*, какъ въ греческомъ—*e*, а въ санскритѣ—*a*. Палятальные гласные въ латинскомъ чаще губныхъ; средне-палятальная артикуляція гласныхъ по частотѣ представляетъ большій или меньшій перевѣсъ надъ губною артикуляціей также въ греческомъ и санскритѣ.

3) Въ латинскомъ языкѣ нѣтъ одноорганныхъ дифтонговъ, т. е. какъ и въ греческомъ языкѣ извѣстной эпохи: въ этомъ послѣднемъ мы встрѣчаемъ ихъ лишь какъ графическіе дифтонги. Изъ разнородныхъ дифтонговъ въ латинскомъ *ae* изъ *ai рѣже въ три раза чѣмъ въ греческомъ (для объясненія припомнимъ, что при неударенности этотъ дифтонгъ измѣнялся въ латинскомъ въ ī), и только *au* одинаково рѣдко (1%).

4) Въ области согласныхъ артикуляцій самая частая категорія въ латинскомъ языкѣ, подобно греческому и санскриту,—передне-язычная; къ этой категоріи принадлежатъ самыя частыя согласныя латинскаго языка: $t = 17\%$, $s = 15\%$, $n = 14\%$. Что касается двухъ другихъ категорій, т. е. губной и задне-язычной, то онѣ въ латинскомъ имѣютъ одинаковую частоту, если оставить въ сторонѣ носовой губной (m); въ греческомъ же губные въ полтора раза чаще задне-язычныхъ (P-звукъ $= 12\%$, а K-звукъ $= 8\%$), что можетъ найти себѣ объясненіе въ явленіи лябіализаціи.

5) Въ отношеніи дѣйствія *гортани*, категорія Mediae въ латинскомъ обширнѣе сравнительно съ греческимъ; это различіе возможно объяснить тѣмъ, что въ латинскомъ въ эту категорію перешла часть первоначальныхъ звонкихъ аспиратъ.

6) Что касается *плавныхъ*, то ихъ общій процентъ въ латинскомъ почти тотъ же, что и въ греческомъ (лат. $= 14\%$, греч. $= 13\%$), но распредѣленіе неодинаково: въ греческомъ лишь на 1% r превышаетъ собою l, тогда какъ въ латинскомъ въ $2^1/_2$ раза.

§ 38. Прежде чѣмъ изслѣдовать произношеніе буквъ латинской письменности, скажемъ нѣсколько словъ о происхожденіи и развитіи латинскаго алфавита, принятаго впослѣдствіи большинствомъ народовъ земнаго шара, и о стараніи римлянъ совершенствовать свое письмо. [1])

Римляне заимствовали свой алфавитъ отъ Куманскихъ Грековъ (Cumae близь Неаполя), съ которыми находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ во времена Тарквиніевъ. При этомъ изъ 24 буквъ дорійскаго алфавита были устранены три, обозначавшія aspiratae (φ, χ, ϑ), которыхъ не было въ латинскомъ.

---

[1]) Въ русской лингвистической литературѣ данный вопросъ обстоятельно излагается въ слѣдующемъ сочиненіи: Бодуэнъ-де-Куртенэ И., Изъ лекцій по латинской фонетикѣ. Воронежъ (1893) стр. 16—156.

Такимъ образомъ, древнѣйшій латинскій алфавитъ (300—200 до Р. Х.) состоялъ изъ 21 буквы: A B C D E F$_{\text{Л}}$ H I K L M N O P Q R S T V X$_{\text{Л}}$ Z. Знакъ C, образовавшійся изъ греч. Γ, еще въ эпоху децемвировъ (т. е. около половины V в. до Р. Х.) означалъ звонкій согласный *g*, какъ это показываютъ примѣры изъ XII таблицъ: pacit, pacunt (хотя тамъ буква C примѣняется и для выраженія звука k, напр. nancitor), и это значеніе звука *g* долго еще сохраняло начертаніе C въ старыхъ латинскихъ надписяхъ. Буква F (ef) отражаетъ древне-греческую дигамму, звукъ же *v* обозначался римлянами посредствомъ V (какъ *и*). Буква H (греч. ēta) сохранила въ латинскомъ свое прежнее придыхательное значеніе. Начертаніе K уже со временъ децемвировъ стало выходить изъ употребленія, хотя и не исчезло совершенно. Начертаніе V примѣнялось какъ для обозначенія гласнаго *и*, такъ и согласнаго *v* (уже въ производныхъ изъ латинскаго алфавитахъ V развѣтвилось на два знака V и U, первый для выраженія согласнаго, а второй для передачи гласнаго). Знакъ X въ древнѣйшихъ латинскихъ памятникахъ употреблялся аналогично греческой буквѣ *ξ*; однако онъ въ порядкѣ буквъ латинскаго алфавита занялъ мѣсто не послѣ N, а послѣ V, что объясняется тѣмъ, что онъ получился не изъ греческаго Ξ, но изъ греч. Χ. Буква Z древнѣйшаго латинскаго алфавита употреблялась весьма рѣдко, спорадически, вм. S между двумя гласными, но затѣмъ временно выходитъ изъ употребленія (снова она вошла въ латинскій алфавитъ вмѣстѣ съ новою буквою Y уже въ эпоху Цицерона). Мы должны теперь

Въ иностранной литературѣ по вопросамъ латинскаго произношенія въ особенности нужно назвать слѣдующіе труды: Corssen W., Ueber Aussprache, Vocalismus und Betonung der lateinischen Sprache. 2 Bde (1868, 1870). Schuchardt H., Der Vocalismus des Vulgärlateins. 3 Bde (1866, 1867, 1868). Seelmann E. Die aussprache des latein nach physiologisch-historischen grundsätzen (1885).

сказать еще о тѣхъ немногихъ перемѣнахъ въ древнѣйшемъ латинскомъ алфавитѣ, которыя онъ испыталъ въ теченіе III в. до Р. Х. Съ этого столѣтія глухой задне-язычный согласный k сталъ послѣдовательно обозначаться начертаніемъ C, а для соотвѣтствующаго звонкаго задне-язычнаго согласнаго вошелъ въ употребленіе новый знакъ G, впервые встрѣчающійся на саркофагѣ Л. Корнелія Сципіона Барбата (ок. 290 г. до Р. Х.) въ словахъ Gnaivod. prognatus, subigit, и занявшій мѣсто въ алфавитѣ между F и H вм. Z, вышедшаго изъ употребленія; начертаніе же K удержалось лишь въ написаніи нѣсколькихъ словъ. Указанныя перемѣны въ древнемъ алфавитѣ (введеніе буквы G и устраненіе Z) не измѣнили общаго числа (21) латинскихъ буквъ.

§ 39. Подъ вліяніемъ болѣе близкаго знакомства съ греческою письменностью и литературой у римлянъ являются попытки къ *усовершенствованію* своего *письма* въ направленіи болѣе полнаго обозначенія звуковыхъ особенностей. Такого рода попытки представляетъ исторія каждой письменности. Это и понятно. Письменность служитъ средствомъ для передачи мысли обыденной, научной, поэтической, а потому въ усовершенствованіи письма заинтересованы всѣ лица, пользующіяся имъ для той или иной цѣли, подобно тому какъ напр. живописецъ, музыкантъ и т. п. заинтересованы усовершенствованіемъ средствъ своего искусства.

Одни усовершенствованія, вводившіяся въ латинскомъ письмѣ, касались болѣе точнаго обозначенія звуковъ самого латинскаго языка, другія же служили для болѣе вѣрнаго воспроизведенія на письмѣ заимствованныхъ греческихъ словъ. Что касается первыхъ, то главнымъ стимуломъ для появленія ихъ послужили потребности поэтической стихотворной рѣчи, и сюда относится передача усиленнаго произношенія согласныхъ и долготы гласныхъ; усовершенствованія втораго рода состояли во введеніи буквъ, недоставшихъ въ латинскомъ ал-

фавитѣ и требовавшихся для транскрипціи греческихъ словъ.

Удвоеніе знаковъ согласныхъ для передачи *усиленнаго произношенія* было введено въ латинскую письменность поэтомъ Энніемъ (р. 239, ум. 169 г. до Р. Х.), отцомъ римской поэзіи. До Эннія въ этихъ случаяхъ писалась одна буква согласнаго, т. е. подобно тому какъ это можно встрѣтить и теперь, напр., въ русскихъ малограмотныхъ написаніяхъ. И это не трудно понять съ точки зрѣнія физіологіи звуковъ. Въ самомъ дѣлѣ двойные согласные выговариваются не раздѣльно, но слитно, представляя въ дѣйствительности лишь долгое и усиленное произношеніе, при чемъ въ случаѣ мгновенныхъ согласныхъ смычка предшествующая взрыву удлинена, а взрывъ усиленъ; словомъ, отъ т. наз. двойныхъ согласныхъ слухъ получаетъ впечатлѣніе простыхъ, хотя и болѣе сильныхъ. Однакожъ различать простое и усиленное произношеніе согласныхъ было важно для строго-ритмическаго гекзаметра, введеніе котораго въ латинское стихосложеніе связано съ именемъ Эннія. Энній по примѣру греческаго письма для различенія простаго и усиленнаго произношенія согласныхъ прибѣгнулъ къ примѣненію простыхъ и удвоенныхъ начертаній. Написаніе удвоенныхъ согласныхъ должно было оказывать существенную услугу, пріучая римлянъ обращать большее вниманіе на такъ называемые слоги долгіе по положенію. Затѣмъ этотъ способъ передачи усиленнаго произношенія согласныхъ становится болѣе и болѣе употребительнымъ и наконецъ утверждается, ставъ правиломъ, т. е. подобно теперешнему латинскому письму. [1])

Для отличенія долгихъ ē и ō отъ краткихъ ĕ и ŏ греки, какъ мы видѣли, распространили свой алфавитъ буквами Н

---

[1]) По словамъ *Марія Викторина* (оратора и грамматика второй половины IV в. по Р. Х.) древніе римляне удвоеніе согласныхъ отмѣчали посредствомъ особаго знака т. наз. sicilicus (напр. ser^{a} «пила», sel^{a} «стулъ, кресло»). Однако этотъ способъ обозначенія позже вышелъ изъ употребленія и его нельзя доказать надписями.

и *Ω*; римскіе ученые, слѣдуя примѣру грековъ, предприняли попытки достичь точности также и въ этомъ отношеніи. Въ концѣ II в. до Р. Х., т. е. уже послѣ Эннія, трагикъ Аттій (170—104 г. до Р. Х.) сдѣлалъ попытку обозначать долготу гласныхъ подобно долгимъ или усиленнымъ согласнымъ, то есть удвоеніемъ соотвѣтствующей буквы гласнаго. Однако этотъ способъ продержался не долго и въ латинскихъ надписяхъ встрѣчается за періодъ ок. 130—74 г. до Р. Хр., т. е. до времени Цицерона и притомъ только для трехъ гласныхъ —ā, ē, ū, напр.: *aa* (предлогъ), *aara*, *Maarco*, *paastores*, *Μααρκελλος*, *ee* (предлогъ), *seedes*, *fuueit* (т. е. *fūit*), *uutei*, *luuci*, *Luuceius Luucius*, *arbitratuu* и др. Что касается долгаго ī, то этотъ гласный въ приведенныхъ примѣрахъ частію переданъ дифтонгическимъ начертаніемъ *ei*, т. е. по способу греческаго письма. Почему только долгота гласнаго *o* оставалась не обозначенною, этого я не могу себѣ объяснить, равно какъ рѣшить, не играла ли здѣсь роли сравнительная рѣдкость этого гласнаго; нельзя однако не обратить вниманія на то, что въ осскомъ письмѣ, гдѣ существовало удвоеніе буквъ гласныхъ еще до времени Аттія, начертаніе *o* также не удваивалось. [1])

Примѣчаніе. Позже, съ эпохи Цицерона и Цезаря, богатой орѳографическими нововведеніями и усовершенствованіями, является попытка отличить междугласное j отъ родственнаго гласнаго, т. е. отъ гласнаго *i*, и съ этой цѣлью стали пользоваться повтореніемъ буквы *i* для выраженія длительности такого j, смахивавшаго на ij. Подобныя написанія приводятся у грамматиковъ, равно какъ встрѣчаются и въ надписяхъ; примѣры: *aiio*, *Potpeiius* и т. п. Если при этомъ зaj слѣдовалъ гласный *i*, то грамматики предлагали даже писать три *i*, напр. *Potpeiii*, *coiiicit*. Попытка посредствомъ двухъ i передавать междугласное j однако никогда не получала всеобщаго примѣненія; не смотря на это, въ новое время нѣкоторыя изданія римскихъ авторовъ возобновили этотъ способъ орѳографіи.

---

[1]) Способъ обозначенія долготы гласныхъ посредствомъ удвоенія соотвѣтствующей буквы былъ въ употребленіи также у другихъ италійскихъ

Съ самаго начала перваго вѣка до Р. Х. для изображенія долгаго гласнаго *i*, ранѣе выражавшагося отчасти начертаніемъ *EI*, пользуются еще новымъ пріемомъ—удлиненіемъ соотвѣтствующей буквы, т. е. употребляютъ I высокое, выдающееся надъ другими буквами. Такъ. въ надписяхъ до Августа находимъ: въ корнѣ—*DIanes*, *dIctatori*, *mIssit*, *vIcus*, въ суффиксѣ—*FelIci*, въ окончаніи—*omnIs*, *magistrI*; и др. Даже старое начертаніе *ei* въ это время встрѣчается случайно изображеннымъ посредствомъ *eI*, т. е. съ неумѣстно примѣненнымъ высокимъ *i*, напр. *queI*. Высокое I для обозначенія ī находимъ затѣмъ въ самой обширной надписи отъ эпохи Августа на „Monumentum Ancyranum“ [1]), но уже рядомъ съ часто встрѣчающимся обыкновеннымъ *i*, а въ трехъ случаяхъ для того же звука въ памятникѣ встрѣчаемъ въ видѣ пережитка старое *EI*.

Примѣчаніе. Вслѣдствіе нѣкотораго сходства долгаго гласнаго ī съ междугласнымъ j, какъ со стороны звуковой близости, такъ и длительности, высокое I употреблялось также для обозначенія j между гласными, примѣры чего встрѣчаются уже въ надписяхъ республиканскаго времени, но чаще въ памятникахъ временъ императоровъ, когда также и начальное j стало обозначаться черезъ высокое I. [2]) Двоякое примѣненіе высокаго I

народовъ—умбровъ, осковъ и племенъ сабельскихъ (см. Corssen, ук. соч., I 15—19); при этомъ умбры иногда помѣщали между двумя такими гласными буквами еще *h*, не имѣвшее никакого этимологическаго основанія, или—что особенно встрѣчается въ болѣе древнемъ письмѣ—они писали гласную букву только одинъ разъ и обозначали долготу прибавленіемъ начертанія *h*, подобно тому какъ это является въ нѣмецкой орографіи съ половины XV в.

[1]) *Ancyra* (Анкира) теперь Ангора, въ Малой Азіи. Monumentum Ancyranum—важнѣйшій письменный памятникъ того времени, сочиненіе самого Августа, на бѣломъ мраморѣ у входа въ храмъ Августа въ Анкирѣ, столицѣ Галатіи.

[2]) Срв. дальнѣйшее отраженіе этого звука въ романскихъ языкахъ, напр. итал. dž. Начало такого перерожденія звука отмѣчено уже надписями позднѣйшей народной латыни, гдѣ встрѣчаемъ обозначенія *z*, *di*, *gi*, срв.: *Zerax* (Cumae, 202 г. по Р. Х.) ← *Jerax ← Hierax; *Madias* (364 по Р. Х.); *Io-*

для обозначенія долгаго гласнаго Ī и звука j, не ставшее однако общеупотребительнымъ, естественно вело работавшихъ надписи къ дальнѣйшему смѣшенію—къ примѣненію высокаго I на мѣстѣ краткаго гласнаго (ĭ). Такое смѣшанное примѣненіе знака, немногіе случаи котораго извѣстны еще отъ республиканскаго времени, усиливается особенно въ позднѣйшее императорское время, когда совершенно исчезло чутье долготы и краткости.

Способъ обозначенія долготы гласныхъ повтореніемъ буквы, введенный Аттіемъ, продержался приблизительно до времени Цицерона и Цезаря, когда вводится новый способъ—посредствомъ надстрочнаго значка т. наз. „арех“ (что̀ собственно значитъ „вершина, верхушка“), который ставили надъ буквою. [1]) Очевидно, прежній способъ казался почему-то неудобнымъ, [2]) можетъ быть потому, что долгій гласный представлялъ лишь одинъ звукъ, а никакъ не два, а потому передача его двумя буквами могла казаться не соотвѣтственною. Но ясно, что нужда въ обозначеніи долготы гласнаго существовала и что попытка Аттія вызывалась дѣйствительною потребностью. Въ самомъ дѣлѣ, если долготу гласнаго по положенію можно было легко опредѣлить, то различеніе долготы и краткости гласныхъ по природѣ, въ положеніи ихъ предъ

---

simus (394 по Р. Х.), гдѣ—наоборотъ—*s* замѣнено посредствомъ j; *Gianuaria* (503 по Р. Х.) ← *januaria*; *Diuliali* (568 по Р. Х.); *congiunta* и др. Срв. итал. g i u n t o, g i o v a n e и также соотвѣтствующія франц. j o i n t, j e u n e. (Corssen I² 309, Seelmann 239).

[1]) Древнѣйшій видъ этого значка былъ приблизительно ¯/, въ надписяхъ же императорскаго времени онъ принялъ форму остраго ударенія (´), рѣже апострофа (') и какъ исключеніе встрѣчается въ видѣ современнаго математическаго знака безконечности (∞). Въ книгахъ (рукописяхъ) поздняго времени «арех» имѣетъ также видъ горизонтальной черточки (¯), не употребляемой вовсе въ надписяхъ, такъ какъ тамъ этотъ значекъ служилъ для отличія цифръ.

[2]) Это—не рѣдкое явленіе въ культурной жизни какъ общества, такъ и отдѣльнаго лица, что извѣстная тенденція выражается разными средствами, прежде чѣмъ утвердится одно изъ нихъ, какъ болѣе подходящее, хотя впрочемъ послѣднее и не всегда достигается.

простымъ согласнымъ или на концѣ слова, предоставлялось исключительно природному чутью и тонкости слуха. Чтобы въ этихъ случаяхъ наглядно демонстрировать правильность размѣра, краткость гласныхъ оставалась не отмѣченною, тогда какъ долгота отмѣчалась сначала повтореніемъ буквы, а затѣмъ посредствомъ значка „арех“; конечно „арех“ получалъ примѣненіе и помимо этихъ цѣлей. Что касается самого примѣненія знака „арех“, то въ надписяхъ республиканскаго времени онъ ставился не только надъ тѣми долгими гласными, которые прежде обозначались повтореніемъ буквы, т. е. надъ ā, ē, ī, но также надъ ō и дифтонгическимъ начертаніемъ eī, обозначавшимъ—какъ я думаю—гласный ī (напр. *invēisa*, *bonēis*). [1]) Во времена Августа и первыхъ императоровъ „арех“, употреблявшійся тоже рѣдко, встрѣчается и надъ *ae*, гдѣ—собственно говоря — онъ былъ такъ же излишенъ, какъ прежде надъ *eī*. Долгота гласнаго *i*, гдѣ она отмѣчена, обозначалась теперь—какъ мы знаемъ—посредствомъ высокаго I, а не черезъ „арех“; послѣ встрѣчается „арех“ для обозначенія долготы также надъ обыкновеннымъ I (напр. *consulī*, *fastīgium*), но только спорадически, такъ что его употребленіе не могло послужить для различенія въ обозначеніи ī и j. Вообще можно сказать, что „арех“ употребляется въ надписяхъ для обозначенія долготы гласныхъ безъ послѣдовательнаго постоянства. Съ III в. по Р. Х., когда уже стало исчезать чутье различія долготы и краткости гласныхъ въ народномъ языкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ и „арех“ болѣе и болѣе сталъ употребляться не у мѣста, служа напр. для отличія значенія словъ. [2])

---

[1]) Я не раздѣляю взгляда Корсена (ук. соч., стр. 22), полагающаго, что начертаніемъ *eī* обозначался звукъ средній между ē и ī; я вижу въ этомъ обозначеніи подражаніе греческому, гдѣ въ то время ει обозначало ī.

[2]) Въ императорскій періодъ предлагались также нѣкоторыя новшества въ латинскомъ алфавитѣ, которыя однако не привились. Такъ, одни пред-

Возвращаемся ко времени Цицерона и Цезаря. Мы уже видѣли, что оно, удержавъ усовершенствованіе Эннія, видоизмѣнило способъ Аттія. Къ этому же времени, открывающему собою золотой вѣкъ римской литературы, относятся нововведенія въ алфавитѣ, состоящія въ прибавленіи къ алфавиту начертаній Z и Y для передачи соотвѣтствующихъ буквъ въ греческихъ словахъ. [1]) Приблизительно тогда же для транскрипціи греческихъ придыхательныхъ *φ*, *χ*, *ϑ* стали употребляться сложныя начертанія *ph*, *ch*, *th*, при чемъ образованные римляне старались подражать греческому произношенію; раньше того aspiratae въ словахъ заимствованныхъ изъ греческаго передавались въ произношеніи и на письмѣ посредствомъ простыхъ tenues (мы видѣли выше, что римляне изъ греческаго алфавита Кумъ устранили знаки для придыхательныхъ звуковъ). Послѣ болѣе или менѣе полувѣковаго колебанія между старымъ и новымъ выговоромъ и письмомъ, сочетанія *ph*, *ch* и *th* становятся правиломъ въ письменномъ языкѣ образованныхъ римлянъ. Однако народный латинскій языкъ продолжалъ попрежнему латинизировать греческія имена и еще въ императорское время встрѣчаются неоднократно простыя *p*, *c*, *t* вмѣ-

---

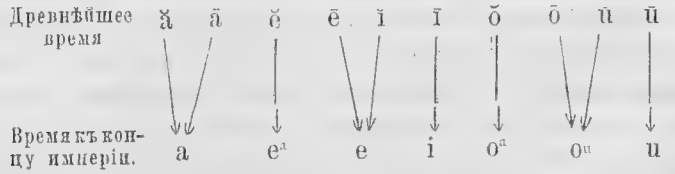
лагали для слабаго конечнаго *m* ввести знакъ M (т. е. часть буквы M), другіе хотѣли писать : S для обозначенія носоваго гласнаго (напр. pare : s вм. parens), но ни то, ни другое не привилось. Императоръ Клавдій (41—54 г. по Р. Х.) повелѣлъ употреблять въ письменности новые три знака: 1) Ⅎ (перевернутую дигамму) для обозначенія согласнаго *v* въ отличіе отъ *u*, напр. Miner Ⅎae; 2) ↄ (антисигму) для обозначенія сочетаній bs и ps въ подражаніе греч. Ψ, но этотъ знакъ въ памятникахъ не сохранился; 3) ⊦ для обозначенія звука средняго между *u* и *i*, напр. въ словѣ Aeg⊦pti. Но эти знаки употреблялись только въ продолженіе 13-ти лѣтъ его царствованія. Антикварнымъ наклонностямъ Клавдія обязано и то, что въ тѣхъ же надписяхъ встрѣчаемъ старое AI вм. *ae*.

[1]) Въ болѣе древнихъ латинскихъ надписяхъ греческое Υ передавалось обыкновенно черезъ V, рѣдко черезъ I. Обѣ буквы, Y и Z, были поставлены въ концѣ алфавита; онѣ всегда считались греческими буквами и не получили римскихъ названій.

сто придыхательныхъ, а въ болѣе позднее императорское время *f* вм. ph. Малограмотные писцы надписей, но желавшіе подражать образованнымъ, иногда по ошибкѣ писали придыхательныя буквы вмѣсто простыхъ. Вообще, начертанія Z, Y, PH, CH, TH вошли въ латинскую письменность для вѣрнѣйшей передачи заимствуемыхъ греческихъ словъ, что указываетъ на то чувство уваженія, которые питали образованные римляне къ греческому просвѣщенію, наукѣ и литературѣ.

§ 40. Переходимъ теперь къ замѣчаніямъ о произношеніи латинскихъ буквъ.

Что касается *простыхъ* гласныхъ, то древнѣйшій латинскій имѣлъ пять гласныхъ — *a*, *e*, *i*, *o*, *u*, изъ которыхъ каждый представлялъ по двѣ разновидности — краткую и долгую, въ свою очередь являвшіяся съ болѣе тонкими оттѣнками открытости и закрытости. Начиная съ императорской эпохи, различія по длительности мало-по-малу уступаютъ мѣсто различіямъ по оттѣнку, при чемъ долгіе гласные становились закрытыми, а краткіе открытыми (за исключеніемъ широкаго гласнаго *a*, долгая и краткая разновидности котораго, по-видимому, совпадали въ одномъ гласномъ):



Получившіяся теперь качественныя различія гласныхъ затѣмъ даютъ особые рефлексы на почвѣ романскихъ языковъ.

Что касается первоначальныхъ *дифтонговъ* съ первымъ краткимъ компонентомъ, то они превращаются въ латинскомъ языкѣ въ монофтонги, совпадая съ простыми гласными. Подобно греческому языку, и въ латинскомъ этотъ процессъ происходилъ не одновременно въ дифтонгахъ однородныхъ и разнородныхъ. Особенно хорошо это видно въ дифтонгахъ на *i*

(ае. *ei, *ai, *oi). Однородный дифтонгъ ei уже въ III в. до Р. Х. превратился въ латинскомъ языкѣ въ монофтонгъ ī; въ болѣе позднихъ надписяхъ, съ половины II в. до Р. Х., примѣняется также дифтонгическое начертаніе EI; это послѣднее мнѣ кажется всего естественнѣе объяснить греческимъ вліяніемъ, которое тогда же обнаруживается и относительно другихъ сторонъ латинскаго письма, а вмѣстѣ и литературы; такимъ образомъ, въ этомъ сравнительно позднемъ начертаніи EI нужно видѣть лишь графическій дифтонгъ, служившій для обозначенія ī. Разнородный дифтонгъ *ai (въ которомъ разстояніе между обоими компонентами было болѣе значительнымъ, чѣмъ въ дифтонгѣ *ei) измѣняется въ монофтонгъ ē^{a} медленнѣе: въ III в. до Р. Х. онъ еще имѣлъ дифтонгическое произношеніе, звуча приблизительно какъ a^{i}i^{e}, и только во II в. до Р. Х. становится въ народномъ языкѣ монофтонгомъ ē^{a}. Что касается третьяго дифтонга *oi, состоящаго изъ совершенно разнородныхъ компонентовъ—губнаго и палятальнаго гласнаго, то онъ отражается въ классическомъ латинскомъ въ видѣ ū; измѣненіе это совершалось еще болѣе медленно, чѣмъ въ двухъ предшествующихъ случаяхъ: въ III в. до Р. Х. встрѣчаемъ въ надписяхъ OI (произносилось o^{u}i^{e}), написаніе *oe* относится къ эпохѣ Плавта (т. е. къ концу третьяго и началу втораго вѣка до Р. Х.) и только въ классическомъ періодѣ утверждается ū, срв. лат. *oi*nos → *oe*nos → ūnus; впрочемъ при нѣкоторыхъ условіяхъ *oe* осталось безъ такого измѣненія и перешло въ классическій періодъ, давши въ результатѣ закрытое ē. Изъ приведенныхъ хронологическихъ датъ не трудно опредѣлить разницу по времени въ скорости процесса измѣненія разсмотрѣнныхъ дифтонговъ.

Въ отношеніи *неударяемыхъ* гласныхъ латинскій языкъ сильно расходится съ греческимъ, представляя довольно сложную систему какъ качественныхъ, такъ и количественныхъ измѣненій неударяемаго вокализма, свидѣтельствующихъ о сильно-экспираторномъ характерѣ латинскаго ударенія; неударяе-

мые гласные латинскаго языка составятъ у насъ предметъ обстоятельнаго изложенія въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ фонетики.

Въ области с о г л а с н ы х ъ звуковъ латинскаго языка остановимся прежде всего на смягченномъ произношеніи *задне-язычныхъ* согласныхъ. Это явленіе оказывается сравнительно позднимъ въ латинскомъ языкѣ; въ такихъ случаяхъ, какъ *centum*, *fecit* и т.п., латинское *c* обыкновенно выговариваютъ какъ русское *ц*, но въ древнемъ латинскомъ и при такихъ условіяхъ оно звучало какъ *k*. Это доказывается, между прочимъ, транскрипціей греками латинскихъ словъ, напр. *φηκιτ*, *Κικέρων*, *κήνσωρ* и т. д., и наоборотъ римлянами греческихъ словъ, при чемъ греческое *κ* въ тѣхъ же условіяхъ транскрибировалось посредствомъ начертанія *c* напр. *Cecrops*, *cerasus*, *Cimon* и пр. Написанія, указывающія на перерожденіе задне-язычнаго согласнаго въ положеніи передъ палятальными гласными, появляются впервые лишь въ VI в. по Р. Х.; съ этого времени встрѣчаются такія написанія, какъ: sisternae (вм. cisternae), paze; встрѣчаются также написанія съ *tz*, *tc*. Однако необходимо предположить, что столь значительное звуковое перерожденіе могло совершиться лишь постепенно, такъ что начальныя фазы смягченія (напр. k' и затѣмъ t') должны быть отнесены къ болѣе раннему времени. Раньше всего измѣненію должно было подвергнуться CI передъ слѣдующимъ гласнымъ (т. е. kiV); и дѣйствительно, въ этихъ условіяхъ еще въ III—IV в. по Р. Х. появляется въ надписяхъ смѣшеніе CI и TI. Вышесказанное о произношеніи буквы *C* примѣнимо также къ *G*.

Что касается звуковаго значенія начертанія Q, почти постоянно употреблявшагося въ соединеніи съ V (u), то отсюда можно заключать, что такое совмѣстное обозначеніе QV выражало *k* съ одновременнымъ губнымъ сопровожденіемъ, бывшимъ вѣроятно въ родѣ полугласнаго (на подобіе англ. w). Что губной элементъ здѣсь не былъ вполнѣ гласнымъ звукомъ, доказываетъ—по мѣткому соображенію древнихъ грамматиковъ—то обстоятельство, что въ этомъ случаѣ V не составляетъ съ

слѣдующимъ гласнымъ долгаго слога; но это V не было и вполнѣ согласнымъ, такъ какъ противъ этого говоритъ греческая передача QV, напр. *Σηκουανοί* или *Σηκοανοί*, *Κούαδοι* или *Κάδοι*, *Τορκουατος* и т. п. Сказанное о произношеніи QV относится также и къ GV.

Къ числу характерныхъ особенностей латинскаго произношенія нужно отнести варіаціи *плавнаго L*, о которыхъ имѣются свидѣтельства грамматиковъ. Такъ, Присціанъ приводитъ замѣчанія Плинія о троякомъ выговорѣ этой буквы, которая могла имѣть sonum *exilem*, *plenum* et *medium*; Консенцій же различаетъ только два оттѣнка, которые обозначаются у него терминамм *pinguior* и *exilior* vel *subtilior*. Распредѣленіе примѣровъ по указаннымъ категоріямъ можно иллюстрировать слѣдующею таблицей:

Sonus exilis	Sonus medius	Sonus plenus
ille	lectum	sol
Metellus	lectus	silva
		flavus
		clarus
Sonus exilior v. subtilior		Sonus pinguior

Что касается физіологическаго значенія только что указанныхъ различій, то проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ высказалъ мнѣніе, что вышеприведенными терминами латинскіе грамматики желали указать не на различія относительной силы или напряженія, какъ хочетъ Корсенъ (Aussprˀ 223), но на разные оттѣнки твердости и мягкости согласнаго l, на подобіе того какъ въ языкахъ славянскихъ или же въ литовскомъ. Проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ приходитъ къ тому заключенію, что буква L въ латинскомъ обозначала три главныхъ оттѣнка со-

гласнаго l: 1) ł или l^u (твердое l, въ родѣ польскаго ł или русскаго *л*, съ растворомъ рта, свойственнымъ въ отдѣльности гласному *и*), 2) l^a или l^e (среднее l) и, наконецъ, 3) l^i или l^j, (мягкое l', въ родѣ русскаго *ль* или литовскаго l'). [1])

§ 41. *Звуковая система старо-славянскаго языка.* Въ старо-славянскомъ для передачи звуковъ служили слѣдующія начертанія: [2])

Гласные:

а	є	ѣ	о	и	оу	ы	ъ	ѧ
12,7	13,4	6,1	13,4	20,4	2,5	3	1,39	6
ѫ	ѧ							
4,3	4,3							

Согласные:

п	б		в	м	
3,2	3,5		9,1	6,3	
т	д	с	з	н	
10,7	6,4	8,7	1,8	8,7	
ч	ц	ш	ж	р	л
2,2	0,8	5,1	3,9	6,8	6,2
ј					
6,9					
к	г	х			
3,9	4,3	1,5			

Сдѣлаемъ нѣкоторыя замѣчанія о звуковомъ составѣ старо-славянскаго языка.

1) Процентное соотношеніе между категоріями гласныхъ (рторaскрывателей) и согласныхъ (ртосмыкателей) выражает-

---

[1]) Бодуэнъ-де-Куртенэ И., ук. соч., стр. 84—85.

[2]) Процентныя данныя заимствуемъ изъ книги: Schleicher A., Die Formenlere der Kirchenslavischen Sprache (1852). Статистику звуковъ языка старо-славянскаго Шлейхеръ составлялъ по текстамъ изъ Остромирова ев. Это важно для насъ между прочимъ въ томъ отношеніи, что въ этомъ памятникѣ хорошо проведена разница между ъ и ь; при выборѣ текстовъ соблюдалась должная осмотрительность, при чемъ Шлейхеръ избѣгалъ однообразныхъ мѣстъ съ обиліемъ собственныхъ именъ.

ся числами $49^1/_2 : 50^1/_2$. Такимъ образомъ, въ старо славянскомъ процентъ гласныхъ и согласныхъ почти одинаковъ. По сравненію съ ранѣе разсмотрѣнными языками оказывается уменьшившимся отдѣлъ согласныхъ. Это находитъ себѣ объясненіе въ законѣ устраненія согласныхъ съ конца словъ и слоговъ, проявлявшемъ свое дѣйствіе еще въ общеславянскомъ. Что касается другихъ языковъ, то—какъ мы видѣли—въ греческомъ категорія согласныхъ составляетъ $54^0/_0$, а въ латинскомъ и санкритѣ $56^0/_0$. Въ этомъ отношеніи старо-славянскій языкъ ближе стоитъ къ греческому, гдѣ также, хотя и въ значительно меньшемъ объемѣ, произошла утрата конечныхъ согласныхъ (все-таки въ греческомъ въ концѣ словъ возможны согласные ς и ν, а внутри словъ такія группы, какъ $\varkappa\tau$, $\pi\tau$, ψ, $\gamma\delta$, $\beta\delta$, $\mu\mu$, невозможныя въ старо-славянскомъ).

2) Въ старо-славянскомъ различаютъ гласные *долгіе* (ѧ, и, оу, ы, ѫ и ѧ) и *краткіе* (є, о, ь, ъ); однако въ какой степени сохранялась древняя долгота въ разныхъ фонетическихъ положеніяхъ въ старо-славянскомъ языкѣ въ эпоху переводческой дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія, сказать трудно. Краткіе гласные ъ и ь имѣли двоякое произношеніе въ зависимости отъ положенія въ словѣ—усиленное и ослабленное или редуцированное, напр. сънъ, дьнь. Въ общемъ краткіе гласные встрѣчаются чаще долгихъ; особенность видимъ въ области узкаго палятальнаго гласнаго, гдѣ долгій гласный и болѣе чѣмъ въ три раза чаще краткаго ь. Это объясняется тѣмъ, что гласный и въ исторіи языка пополнился изъ другихъ источниковъ и притомъ настолько, что вмѣстѣ съ тѣмъ является вообще самымъ частымъ гласнымъ, составляя $^1/_5$ всего числа гласныхъ.

3) Кромѣ чистыхъ гласныхъ въ старо-славянскомъ имѣются еще *носовые* (ѫ, ѧ), [1]) которые развились изъ VN въ по-

[1]) Честь открытія носоваго произношенія т. наз. юсовъ принадлежитъ А. Х. Востокову.

ложеніи передъ согласнымъ, а также въ концѣ слова. Этотъ процессъ, какъ мы знаемъ, наблюдается и въ другихъ вѣтвяхъ аріо-европейскаго семейства, при чемъ подобно другимъ фонетическимъ процессамъ онъ наступалъ въ нихъ неодновременно и представлялъ особенности въ условіяхъ и скорости развитія. Такъ, напр., въ аттическомъ нарѣчіи древне-греческаго языка онъ уже за пять вѣковъ до Р. Х. закончился (срв. атт. *τούς* || крит. *τόνς*), при чемъ образовавшійся носовой гласный успѣлъ даже перейти въ чистый; между тѣмъ въ славянской языковой области, именно — въ польскомъ языкѣ, еще и теперь сохраняются носовые гласные. Кромѣ того, условія полученія носовыхъ гласныхъ тутъ и тамъ неодинаковы: въ славянскихъ языкахъ носовые гласные получались передъ всѣми согласными (кромѣ j), тогда какъ въ греческомъ только передъ *s*; передъ взрывными же согласными еще и въ современномъ новогреческомъ носовые согласные сохраняются. Разсмотрѣніе даннаго процесса, о которомъ мы здѣсь лишь упоминаемъ, по всей области аріо-европейскихъ языковъ будетъ сдѣлано въ фонетикѣ. Процентъ того и другаго носоваго гласнаго въ старо-славянскомъ одинаковъ, что гармонируетъ съ одинаковостью процента чистыхъ гласныхъ средняго раствора.

4) Мы должны теперь отмѣтить *отсутствіе дифтонговъ* въ старо-славянскомъ. Это объясняется тѣмъ, что древніе дифтонги въ однихъ условіяхъ перешли въ простые гласные, а въ другихъ условіяхъ распались на гласный съ согласнымъ (срв. **слоүти** || **слово**). Надо замѣтить, что и этотъ процессъ можно изслѣдовать по всей области аріо-европейскихъ языковъ. Вездѣ мы увидимъ утрату дифтонговъ, хотя неравномѣрно и неодинаковымъ образомъ въ отдѣльныхъ вѣтвяхъ. Но надо имѣть въ виду, что утрата древнихъ дифтонговъ не мѣшаетъ возникать новымъ дифтонгамъ; срв. напр. лат. bŏnus = итал. buono, испан. bueno; новый слой дифтонговъ извѣстенъ также во франц.; въ русской языковой области новые дифтонги встрѣчаются діалектически въ малорусскомъ; и т. д.

5) Самою характерною чертою консонантизма старо-славянскаго и другихъ славянскихъ языковъ является по сравненію съ другими аріо-европейскими языками широкое развитіе категоріи *мягкихъ согласныхъ* (ст.-слав. л̀, р̀, н̀, ч, ш, ж, шт, жд, ц, ѕ, ѕ), хотя процессъ палятализаціи согласныхъ подъ вліяніемъ j и палятальныхъ гласныхъ, какъ физіологически необходимый, имѣетъ мѣсто и въ прочихъ вѣтвяхъ нашего семейства языковъ, совершаясь съ неравномѣрной скоростью и неодинаковой послѣдовательностью (срв. между тѣмъ какъ въ русскомъ языкѣ въ положеніи передъ гласнымъ *e* согласный *m* мягокъ, а въ польскомъ смягченіе подвинулось еще дальше, давши вм. мягкаго *t*—*ć*, во франц. согласный *t* въ аналогичныхъ условіяхъ произносится безъ замѣтнаго смягченія, хотя въ области задне-язычныхъ согласныхъ процессъ смягченія ушелъ далеко впередъ, давъ въ результатѣ шипящіе спиранты, которые при томъ успѣли уже отвердѣть, какъ напр. въ словахъ *ch*anter, *g*enre; срв. относительно неравномѣрности также языки литовскій и славянскіе, а именно — между тѣмъ какъ въ исторіи славянской вѣтви языковъ задне-язычные согласные *k* и *g* проявили значительно бо́льшую смягчаемость по сравненію съ передне-язычными *t* и *d*, въ литовскомъ —наоборотъ. Но всѣ эти вопросы относятся къ области фонетики; и именно сравнительно-историческое изслѣдованіе процессовъ и хода развитія отъ древнѣйшаго состоянія до настоящаго времени нужно признать наиболѣе желательнымъ для сравнительной грамматики, какъ о томъ мы уже говорили въ главѣ первой нашего курса.

6) Что касается *степени частоты* согласныхъ, то здѣсь вообще нѣтъ рѣзкаго превосходства какого-нибудь согласнаго. Причину этого можно видѣть въ томъ, что въ славянскихъ языкахъ особенно частая категорія передне-язычныхъ согласныхъ сильно сократилась какъ вслѣдствіе закона устраненія согласныхъ съ конца словъ и отчасти слоговъ, такъ и вслѣдствіе перерожденія въ новые звуки (напр. ч, ш, ж, и др.)

путемъ переходнаго смягченія. Въ особенности относительно согласнаго *s* старо-славянскій и вообще славянскіе языки рѣзко расходятся съ другими аріо-европейскими, показывая сравнительно малый процентъ. Частота этого согласнаго въ славянской языковой области убавилась главнымъ образомъ вслѣдствіе исчезновенія конечнаго *s*, какъ формальнаго элемента, въ цѣломъ рядѣ формъ имени и глагола, срв.: клъкъ$_{\text{Л}}$ = *λύκος*; слово$_{\text{Л}}$ = *κλέος*; несе$_{\text{Л}}$ = *ἔνεγκες*. Утрата же столь частаго формальнаго элемента, равно какъ уменьшеніе процента *s* вслѣдствіе перехода въ х и ш, не могли быть вознаграждены тѣмъ *s*, которое получилось изъ ае. *k^{1}, и новымъ *s* въ случаяхъ dt, tt, zt → st. Здѣсь мы видимъ, какъ въ родственныхъ языкахъ всякое отклоненіе въ ходѣ измѣненія отражается въ соотвѣтствующемъ отклоненіи статистическихъ цифръ (напротивъ—при отсутствіи различія въ измѣненіи будетъ сходство и въ показаніяхъ статистики). Весьма характерною для славянской языковой области является сравнительная частота согласныхъ *j* и *v*, что̀ объясняется какъ устойчивостью самыхъ звуковъ, такъ и пополненіемъ ихъ первоначальнаго запаса вслѣдствіе распаденія дифтонговъ. [1])

§ 42. Въ заключеніе настоящаго обзора звуковыхъ системъ въ аріо-европейскихъ языкахъ мы должны еще остановиться на различіяхъ ударенія въ языкахъ *литовскомъ* и *сербо-хорватскомъ*, примѣры изъ которыхъ намъ придется приводить при изложеніи фонетики.

Различія литовскаго ударенія были установлены Куршатомъ [2]) и сводятся къ слѣдующему. Онъ различаетъ ударе-ніе на *краткихъ* слогахъ, обозначая его знакомъ тупаго уда-

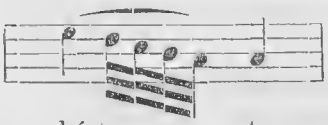
---

[1]) См. еще Бодуэнъ-де-Куртенэ И., Нѣкоторые отдѣлы «сравнительной грамматики» словянскихъ языковъ, гл. 2—Общій характеръ звуковъ въ отдѣльныхъ языкахъ словянскихъ, въ Р. Ф. В., т. V, 1881 г., стр. 283—300 (отд. отт. 19—36).

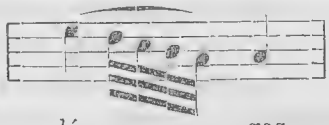
[2]) Впервые они были указаны имъ въ «Laut- und Tonlehre der Littauischen Sprache (1849), а впослѣдствіи дополнены въ предисловіи къ нѣмецко-литовскому словарю и въ литовской грамматикѣ.

ренія (напр. žuvìs „рыба“, tìltas „мостъ“, kùrti „строить“) и два типа ударенія на *долгихъ* слогахъ, а именно: а) *нисходящее* или *падающее* удареніе, обозначаемое посредствомъ остраго ударенія и названное Куршатомъ „gestossener“ Ton, что̀ собственно значитъ толчкомъ произведенный тонъ, т. е безъ подготовки, сразу начинающійся съ своей высоты, аттакированный (напр. kótas „рукоятка“, kąsnis „кусокъ“, lángas „окно“, méldas „ситникъ“ — растеніе), б) *восходящее* или *возвышающееся* удареніе, отмѣчаемое знакомъ облеченнаго ударенія и названное „schleifender“ Ton (собств. „влачащійся“ тонъ, т. е. съ подготовкой или постепенно достигающій своей высоты) или также „geschliffener“ Ton (собств. вышлифованный, заостренный), напр. bãdas „голодъ“, Dẽvas „Богъ“, baũsti „наказывать“, keĩsti „мѣнять“, vaĩgas „нужда, бѣдность“, vil̃kas „волкъ“, kraũtas „крутой берегъ“, geĩtas „блѣдно-желтый“, piĩrštas „перстъ, палецъ“. Нужно замѣтить, что подъ этими различіями понимаются различія въ характерѣ измѣненія высоты голоса или тона, особенно при удареніи на долгихъ гласныхъ. Оставляя безъ дальнѣйшихъ объясненій краткое литовское удареніе, мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности движенія тона при удареніи на долгихъ слогахъ. Куршатъ иллюстрировалъ это движеніе нотами.

а) Нисходящее удареніе:



kó - - - - - tas

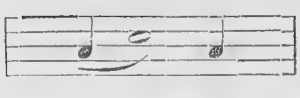


lán - - - - - gas

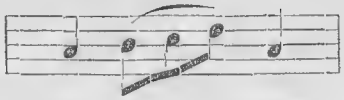
vá - - - - - - l - tis [1])

[1]) Здѣсь мы видимъ варіантъ по сравненію съ мелодіей слова «lángas»

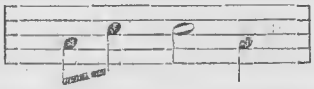
б) Восходящее ударение:



bā - - - das
dē - - - vas
ba - ū - - sti
ke - ī - - sti



va - ŗ - - - - gas
vi - Ī - - - - kas



kra - - ñ - tas
ge - - - Ī - tas
pi - - - ŗ - štas [1])

Изъ указанныхъ типовъ литовскаго ударенія нѣкоторыя недоразумѣнія вызвалъ послѣдній типъ, именно — *восходящее* удареніе на долгихъ слогахъ. Дѣло въ томъ, что извѣстный нѣмецкій фонетикъ *Эд. Зиверсъ* (Sievers) еще въ первомъ изданіи своего сочиненія Lautphysiologie (1876) призналъ литовское восходящее удареніе, описанное Куршатомъ, за *двухвершинное* въ отношеніи характера выдыхательнаго напора, т. е. „послѣ того какъ ударяемый гласный прошелъ уже свой maximum напряженія, происходитъ вторичное возвышеніе напряженія, образованіе второй вершины ударенія, которая однако не достигаетъ мѣры перваго напряженія“. Противъ такого пониманія возражалъ Мазингъ въ своей монографіи о сербо-хорватскомъ удареніи [2]), указывая на то, что на основаніи описанія Куршата литовское восходящее удареніе нужно считать *одновершиннымъ*, такъ какъ первая часть гласнаго находится на низкой ступени, а потому и не можетъ быть разсматриваема какъ одна изъ вершинъ ударенія. Однако свое теоретическое воззрѣніе на двухвершинность литовскаго восходящаго ударенія Зиверсъ удерживаетъ и черезъ 25 лѣтъ въ

[1]) Это варіантъ изъ ранняго труда Куршата «Laut- und Tonlehre».

[2]) L. Masing. Die Hauptformen des serbisch-chorwatischen Accents (1876) § 84.

послѣднемъ изданіи своей фонетики, не подкрѣпляя какъ и въ первомъ изданіи дѣйствительными наблюденіями надъ литовскимъ произношеніемъ. [1]) Рѣшительныя данныя могло бы дать экспериментально-фонетическое изслѣдованіе.

Сказанное о литовскомъ удареніи относится къ верхне-литовскому нарѣчію; въ нарѣчіи же нижне-литовскомъ или жемайтскомъ, какъ я уже имѣлъ случай говорить раньше (см. въ первой тетради стр. 74 сл.), удареніе перемѣщается, по сравненію съ верхне-литовскимъ, на одну мору къ началу слова, напр. žuvìs + жо̋ᵛвыᵊс „рыба“, mataũ + мата́ў „вижу“. Изъ частностей нижне-литовскаго ударенія нужно указать на случаи *прерывистости* при нисходящемъ удареніи, которые я разсматриваю (l. c.) какъ явленіе *вторичное, позднѣйшее*, въ связи съ тенденціей жемайтскаго нарѣчія къ передвиженію ударенія. [2]) Какъ сейчасъ увидимъ, передвиженіе ударенія на одну мору къ началу слова знаетъ также сербскій языкъ, представляющій такимъ образомъ аналогію съ жемайтскимъ языкомъ. Къ выясненію типовъ сербскаго ударенія мы теперь и обратимся.

Въ сербскомъ языкѣ нужно различать два основныхъ типа ударенія: I—удареніе *нисходящее* и II —удареніе *восходящее*. Въ первомъ изъ этихъ типовъ удареніе сохраняетъ старое мѣсто, оставаясь на томъ слогѣ, на которомъ оно было первоначально, тогда какъ второй типъ возникъ путемъ перемѣщенія ударенія. Такъ какъ гласные въ сербскомъ языкѣ мо-

---

[1]) См. Ed. Sievers Grundzüge der Phonetik (1901)[5] § 607. Здѣсь авторъ говоритъ: «литовское «восходящее удареніе» Куршата на основаніи изслѣдованій Мазинга, конечно, должно представлять себѣ въ тоническомъ отношеніи какъ просто восходящее. Но въ экспираторномъ отношеніи мнѣ кажутся литовскіе «восходящіе слоги», не смотря на возраженіе Мазинга, по-прежнему двухвершинными, а двухвершинные слоги съ просто восходящимъ или нисходящимъ тономъ—болѣе чѣмъ проблематичны».

[2]) Въ силу такого моего воззрѣнія на происхожденіе прерывистости мнѣ кажется сомнительнымъ ученіе акад. Ф. Ѳ. Фортунатова о длительной и прерывистой долготѣ общеиндоевропейскихъ долгихъ гласныхъ.

гутъ имѣть долготу и краткость, то каждый изъ указанныхъ двухъ типовъ ударенія подраздѣляется на два случая, смотря по тому, стоитъ ли удареніе на долгомъ или же краткомъ гласномъ. Такимъ образомъ получаются слѣдующіе четыре вида ударенія:

	Нисходящее удареніе	Восходящее удареніе
На краткомъ гласномъ	ˋ	ˊ
На долгомъ гласномъ	˜	ˆ

Слѣдующіе примѣры могутъ познакомить съ перемѣщеніемъ ударенія въ сербскомъ, т. е. съ типомъ *восходящаго* ударенія:

литов. žẽmà = рус. зима́, серб. зи́ма (т. е. долгое восходящее удареніе).

литов. vapsà = рус. оса́, серб. о̀са (т. е. краткое восходящее удареніе).

Что касается *нисходящаго* ударенія, то мы уже сказали о немъ, что оно сохранилось на томъ же слогѣ, на которомъ стояло раньше. Является вопросъ, въ какихъ случаяхъ и отчего произошла эта особенность сербскаго нисходящаго ударенія. Отмѣченная характерная особенность уяснится намъ, если обратимъ вниманіе на то, что данный типъ ударенія встрѣчается лишь на начальныхъ слогахъ. Очевидно, удареніе осталось здѣсь на томъ же слогѣ въ силу необходимости, ибо—за отсутствіемъ предшествующаго слога—ему некуда было перемѣститься. Примѣрами для сербскаго нисходящаго ударенія могутъ служить слова:

литов. vė̃tra = рус. вѣтеръ, серб. вѐтар (т. е. краткое нисходящее удареніе).

литов. snẽgas = рус. снѣгъ, серб. снѐг (т. е. долгое нисходящее удареніе).

Въ первомъ изъ приведенныхъ словъ литовскій показываетъ нисходящее удареніе, т. е. удареніе на первой изъ двухъ моръ гласнаго; въ этомъ случаѣ тенденція къ передвиженію ударенія въ сербскомъ выражается сокращеніемъ гласнаго и образованіемъ краткаго нисходящаго ударенія. [1]) Во второмъ примѣрѣ литовскій имѣетъ восходящее удареніе, т. е. повышеніе приходится на вторую изъ двухъ моръ долгаго гласнаго; въ сербскомъ языкѣ оно передвинулось на первую мору и стало долгимъ нисходящимъ. Впрочемъ сербскій показываетъ иногда долгое нисходящее удареніе при литовскомъ нисходящемъ удареніи, напр.:

литов. véidas = рус. видъ, серб. ви̏д.

Въ этомъ случаѣ, подобно слову вѐтар, мы ожидали бы въ сербскомъ краткое нисходящее удареніе, а имѣемъ долгое нисходящее; это послѣднее можно считать продуктомъ замѣнительнаго удлиненія, т. е. что оно получилось на мѣсто краткаго благодаря исчезновенію *ъ съ конца слова; удареніе удержалось на начальной морѣ гласнаго, которая затѣмъ удлинилась на счетъ послѣдующаго слога. Впрочемъ здѣсь имѣетъ значеніе еще звонкость конечнаго согласнаго, срв. съ одной стороны—во̏з, пло̏д, са̏д, а съ другой—бра̏т и т. п.; кромѣ того, привходятъ еще нѣкоторыя другія усложненія, какъ напр. вліяніе аналогіи однѣхъ формъ на другія.

Сопоставляя мѣсто ударенія сербскихъ словъ съ удареніемъ соотвѣтствующихъ русскихъ, легко замѣтить, что сербское *нисходящее* удареніе соотвѣтствуетъ по мѣсту русскому ударенію, а сербское *восходящее* удареніе оказывается на слогъ ближе къ началу слова сравнительно съ русскимъ и, считая мѣсто русскаго ударенія первоначальнымъ, приходимъ къ высказанному выше положенію, что сербское восходящее ударе-

---

[1]) Въ нижне-литовскомъ аналогичный процессъ приводитъ иногда къ прерывистому типу ударенія на начальныхъ или конечныхъ слогахъ.

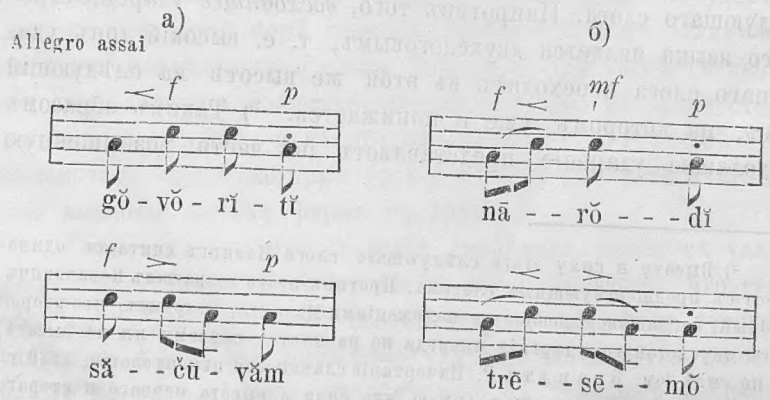
ніе является результатомъ передвиженія на одинъ слогъ къ началу слова. Въ этомъ смыслѣ и въ нисходящемъ сербскомъ удареніи, могущемъ стоять лишь на начальныхъ слогахъ, нужно видѣть результатъ передвиженія ударенія, но такъ какъ мѣстомъ этого ударенія былъ гласный начальнаго слога, то вершина ударенія могла передвинуться лишь на начальную долю или мору гласнаго, вторая мора котораго, ставши слабою, исчезала, отчего и получалось очень краткое нисходящее удареніе; однако здѣсь могло происходить замѣнительное удлиненіе въ замѣнъ исчезновенія конечныхъ ъ и ь, вслѣдствіе чего нисходящее удареніе являлось уже на долгомъ гласномъ.

Весьма тонкія наблюденія надъ сербскимъ произношеніемъ проф. Л. Мазинга въ упоминавшейся уже не разъ его монографіи позволяютъ глубже понять природу сербскаго ударенія. Согласно изслѣдованію названнаго ученаго сербское *нисходящее* удареніе, встрѣчающееся лишь на начальныхъ слогахъ, является однослоговымъ, т. е. область названнаго ударенія ограничивается лишь однимъ слогомъ, не затрогивая слѣдующаго слога. Напротивъ того, *восходящее* удареніе сербскаго языка является двухслоговымъ, т. е. высокій тонъ удареннаго слога переходитъ въ этой же высотѣ на слѣдующій слогъ, на которомъ уже и понижается. [2]) Такимъ образомъ восходящее удареніе представляетъ двѣ части: возвышенную

---

[2]) Высоту и силу этого слѣдующаго слога Мазингъ считаетъ одинаковою съ предшествующимъ слогомъ. Противъ этого возражалъ Ковачевичъ, который, соглашаясь вообще съ положеніями Мазинга, находитъ, что второй слогъ двуслоговаго ударенія никогда не равняется первому ни по высотѣ, ни по силѣ (см. Брандтъ Р. Начертаніе славянской акцентологіи, 1880 г., стр. 45) Съ своей стороны я думаю, что сила и высота перваго и втораго слога при двуслоговомъ удареніи въ дѣйствительности вѣроятно представляютъ варіаціи, подобно напр. общерусскому произношенію такихъ словъ, какъ «иди» и т. п., въ которыхъ ударяемый слогъ звучитъ иногда даже ниже слога неударенаго.

на ударяемомъ слогѣ и нисходящую на слѣдующемъ слогѣ. Если эти слоги будутъ долгими, то восхожденіе тона происходитъ путемъ перехода его отъ первой низкой моры гласнаго ко второй высокой, паденіе же тона, наоборотъ, путемъ перехода его отъ первой высокой моры гласнаго ко второй низкой. Я думаю, что въ сербскомъ восходящемъ удареніи высоту втораго слога не слѣдуетъ считать результатомъ вліянія высокаго тона предшествующаго слога, но пережиткомъ или остаткомъ древней ударенности. Такимъ образомъ, первая главная часть сербскаго восходящаго ударенія является слѣдствіемъ передвиженія ударенія, а вторая часть отражаетъ древнее удареніе. Въ западномъ или чакавскомъ нарѣчіи на эту вторую часть приходится большее экспираторное напряженіе, вслѣдствіе чего удареніе этого нарѣчія и представляется болѣе первичнымъ. Слѣдующія нотныя обозначенія, заимствуемыя нами изъ сочиненія проф. Л. Мазинга, могутъ служить иллюстраціей сербскаго восходящаго ударенія а) краткаго (говòрити, сàчȳвам) и б) долгаго (нāроди, трēсēмо):



Важнѣйшія опечатки:

стр. 22 : вм. 8,22 должно стоять 7,82.
стр. 33 : » $\breve{v}$ и ī » » $\bar{v}$ въ ī.

[redacted]ого же автора:

Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Пособіе при изученіи науки о языкѣ. Казань 1901. Ц. 2 р.

Курсъ сравнительной грамматики аріоевропейскихъ языковъ. Тетрадь 1-я: введеніе. Изд. 2-е, дополненное. Казань 1904. Ц. 75 к.

Изъ чтеній по сравнительной грамматикѣ аріоевропейскихъ языковъ. Вып. 1-й (1895). Ц. 30 к. Вып. 2-й (1895). Ц. 25 к. Вып. 3-й (1900). Ц. 40 к.

Склоненіе въ аріо-европейскихъ языкахъ. (Изъ чтеній по сравнительной грамматикѣ, вып. 4-й). Казань 1902. Ц. 80 к.

Очеркъ физіологіи произношенія языковъ французскаго, англійскаго и нѣмецкаго сравнительно съ русскимъ. Казань 1903. Ц. 40 к.

Замѣтки по экспериментальной фонетикѣ. Вып. I: Гортанный приборъ Розапелли и наблюденія съ нимъ (1896). Ц. 45 к. II: Анализъ голосовой графики слова «биби» (1907). Ц. 25 к. III: Экспериментально-фонетическое изученіе природы русскаго ударенія (1905). Ц. 10 к. IV: Къ методологіи и техникѣ экспериментально-фонетическихъ изслѣдованій (1907) Ц. 10 к. V: Наблюденія надъ произношеніемъ съ помощью губнаго прибора Розапелли (1907). Ц. 20 к.

Общій курсъ русской грамматики (Изъ университетскихъ чтеній). Изд. 2-ое, исправленное и дополненное (1907). Ц. 2 р.

О преподаваніи русскаго языка (изъ наблюденій въ Казанской Татарской Учительской Школѣ.) Изданіе второе. Казань 1899. Ц. 25 к.

Діалектологическія замѣтки. I: Говоръ села Лады, Саранскаго у., Пензенской губ. (1899) Ц. 8 к. II: Неправильности русской рѣчи у чувашъ (1900) Ц. 10 к. III: Говоръ села «Сушки», Золотоношскаго у., Полтавской губ. (1901) Ц. 10 к. IV: Московское нарѣчіе двѣсти лѣтъ назадъ (1902) Ц. 10 к. V: О крымскомъ нарѣчіи татарскаго языка (1903). Ц. 25 к. VI: Къ словенской діалектологіи—говоръ Бледа сравнительно съ говоромъ Циркно (1905). Ц. 20 к. VII: Къ діалектологіи общерусскаго произношенія—о смягченіи согласныхъ подъ вліяніемъ слѣдующихъ мягкихъ согласныхъ (1906). Ц. 15 к.

Изслѣдованіе говора дер. Бѣлой (Казанской губ.), вып. 1. Казань 1900. Ц. 50 к.

Психологія поэтическаго творчества. Публичная лекція. Казань 1900. Ц. 25 к.

Цѣна 50 коп.

Складъ изданій—въ книжныхъ магазинахъ **Дубровина** и **Бр. Башмаковыхъ**, въ Казани.